

ВПЕРВЫЕ
НА РУССКОМ!

МАЙКЛ КОННЕЛЛИ

В МИРЕ ПРОДАНО БОЛЕЕ 80 000 000 КНИГ МАЙКЛА КОННЕЛЛИ

ДРУГАЯ СТОРОНА ПРОЩАНИЯ

РАССЛЕДУЕТ ГАРРИ БОСХ

Гарри Босх

Майкл Коннелли

Другая сторона прощания

«Азбука-Аттикус»

2016

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Коннелли М.

Другая сторона прощания / М. Коннелли — «Азбука-Аттикус»,
2016 — (Гарри Босх)

ISBN 978-5-389-20141-5

Одинокий старик-миллиардер понимает, что дни его сочтены. Он многого добился в этой жизни и мог бы умереть спокойно, но одно воспоминание, смешанное с чувством сожаления, преследует его. Когда-то он, калифорнийский богатый юнец, встретил мексиканскую девушку. Она забеременела, но вскоре исчезла. Родился ли у нее ребенок? И если да, то что с ним случилось? Отчаявшись узнать, есть ли у него наследник, умирающий магнат нанимает детектива Гарри Босха – единственного человека, которому он может доверять. На карту поставлено огромное состояние, и Босху ясно, какой опасности подвергается и он сам, и тот, кого он ищет. И вот детективу удается нащупать след... Эта история мистическим образом перекликается с его собственным прошлым. Теперь Босх не успокоится, пока не узнает всю правду... Впервые на русском!

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-389-20141-5

© Коннелли М., 2016

© Азбука-Аттикус, 2016

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	25
Глава 6	29
Глава 7	34
Глава 8	39
Глава 9	43
Глава 10	47
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Майкл Коннелли

Другая сторона прощания

Вину Скалли с глубокой благодарностью

Michael Connelly
THE WRONG SIDE OF GOODBYE

Copyright © 2016 by Hieronymus, Inc.

This edition published by arrangement with Little, Brown and Company, New York, New York,
USA

All rights reserved

© А. С. Полошак, перевод, 2021

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021

Издательство АЗБУКА®

* * *

Выскочив из зарослей слоновой травы, все пятеро бросились к вертолету. Они мчались, держась подальше друг от друга, и один подстегивал остальных: «Бегом, бегом, бегом!» – без нужды напоминая, что нет в жизни ничего опаснее таких мгновений.

Воздушный поток прибил траву к земле, рассеяв дым от сигнальных шашек. Пилот готовился взлетать с тяжелым грузом: грел турбину, и та оглушительно ревела. Пулеметчики затащили парней на борт, хватая их за ранцевые ремни, и вертушка взмыла в воздух. Она пробыла на земле не дольше, чем стрекоза на водной глади озера.

Набрав высоту, пилот развернул машину левым бортом к лесополосу. В баньяновой чаще сверкнули вспышки выстрелов. Кто-то заорал: «Снайперы!» – но бортстрелок и без того видел, как обстоят дела.

Засада. Три четкие вспышки, трое снайперов. Позволили вертолету набрать высоту и открыли огонь с шестисот футов, когда мишень была как на ладони.

Пулеметчик ответил длинной очередью из М60. Свинцовая волна срезала верхушки деревьев, но снайперы не уgomонились. Брони у вертолета не было: командование решило, что для выполнения боевых задач не нужна тяжеловесная защита. Нужна скорость и маневренность. Вот только решение это было принято в девяти тысячах миль от вьетнамских джунглей.

Пуля пробила обтекатель турбины. Тук! «С таким звуком падает на капот автомобиля вылетевший с поля бейсбольный мяч», – подумал один из парней в вертолете. Брызнуло стекло: следующая пуля угодила в кабину. Выстрел из разряда «один на миллион»: прошив первого пилота, пуля зацепила второго. Первый погиб на месте, а второй схватился за шею, зажимая рану, чтобы остановить кровь. Порыв инстинктивный, но бессмысленный. Вертолет, потеряв управление, развернулся вправо – прочь от чащи, к рисовым полям. Машину закрутило по часовой стрелке. Люди на борту принялись вопить от ужаса. Они не могли ничего сделать. Тот, кому вспомнился бейсбольный мяч, попробовал сориентироваться в пространстве, но тщетно: мир за бортом вертолета вращался с головокружительной скоростью. Парень уперся взглядом в металлический разделитель между кабиной и грузовым отсеком. На нем было написано одно-единственное слово: «Аванс» – с буквой «А» в виде направленной вверх стрелы.

Он не сводил глаз с этого слова, даже когда почувствовал, что машина теряет высоту. От криков закладывало уши. Семь месяцев в разведке, осталось всего ничего... Он знал, что не вернется. Всё, конец.

Наконец он услышал вопль: «Держись, держись, держись!» – как будто у людей на борту был шанс выжить при падении, не говоря уже о последующем обстреле и ветконговцах, которые прибегут на место крушения со своими мачете.

Все заголосили в панике, он же едва слышно прошептал:

– Вибиана...

Он знал, что уже никогда ее не увидит.

– Вибиана...

Вертолет рухнул в ров на рисовом поле и разлетелся на миллион металлических осколков. Мгновением позже вспыхнуло, расплескавшись по воде, горячее. К небу поднялся черный столб дыма – такой же, как от сигнальных шашек в зоне приземления.

Перезарядив оружие, снайперы дожидались спасательных вертолетов.

Глава 1

Вид открывался шикарный, и Босх был не прочь подождать. Вместо того чтобы сесть на диван в приемной, он стоял в футе от стекла и с удовольствием разглядывал крыши Даунтауна, за которыми виднелся Тихий океан. Дело было на пятьдесят девятом этаже башни Банка США. Крейтон, по обыкновению, не спешил. Так повелось с тех пор, когда он работал в Управлении полиции Лос-Анджелеса: тогда его офис располагался на одном из нижних этажей Паркер-центра, а окно приемной выходило на задний фасад ратуши. Если смотреть по горизонтали, новый офис был в каких-то пяти кварталах от старого. Но в вертикальной перспективе Крейтон определенно воспарил до уровня финансовых богов города.

Вид, конечно, был замечательный, но Босх все равно не понимал, зачем снимать офис в башне. Это здание, самое высокое к западу от Миссисипи, уже дважды становилось мишенью террористов. Да, в обоих случаях теракты удалось предотвратить, но спокойствия это не добавляло. Босх представил, каково людям, ежедневно входящим в стеклянные двери башни. Нервная работа, постоянное предчувствие беды... В нескольких кварталах отсюда возводили еще один небоскреб со стеклянным шпилем до самого неба – Уилшир-гранд-сендер. Когда строительство завершится, новое здание станет еще выше. Пожалуй, террористы переключатся на него, и обитатели башни Банка США вздохнут с облегчением.

Босх любил взглянуть на город с высоты. В молодости он, бывало, вызывался на дополнительные смены в вертолетном подразделении – лишь для того, чтобы снова и снова взлетать над Лос-Анджелесом и восхищаться его размерами.

Взглянув на шоссе 110, Босх увидел, что весь Южный Централ стоит в пробке. Еще он отметил, что на крышах прибавилось вертолетных площадок. Сливки общества предпочитали этот вид транспорта остальным. Говорили, что даже некоторые звездные баскетболисты «Лейкерс» и «Клипперс» летают тренироваться в Стэйплс-центр на вертушках.

Толстое стекло было звуконепроницаемым. Город молчал. Босх слышал лишь голос секретарши – та, отвечая на звонки, повторяла заученное приветствие:

– Служба безопасности «Трезубец». Чем могу помочь?

Босх зацепился взглядом за патрульную машину: та неслась по Фигероа на юг, к развлекательному комплексу «Эл-Эй лайв». На крыше автомобиля читались громадные цифры «01» – стало быть, первое отделение, центральная зона покрытия. Следом за машиной в поле зрения появился полицейский вертолет. Он пролетел чуть ниже пятьдесят девятого этажа. Босх провожал его взглядом, когда за спиной раздался голос:

– Мистер Босх?

Он обернулся. В приемной стояла женщина, но не секретарша.

– Меня зовут Глория. Мы говорили по телефону.

– Да, точно, – кивнул Босх. – Вы помощница мистера Крейтона.

– Рада знакомству. Вы можете войти.

– Славно. Еще чуть-чуть, и я бы прыгнул вниз.

Она, не улыбувшись, проводила Босха в коридор с акварелями на стенах. Расстояние между рамками было выверено до миллиметра.

– Стекло противоударное, – заметила она. – Способно пережить ураган пятой категории.

– Приятно слышать, – сказал Босх. – Кстати, это была шутка. Когда-то ваш шеф работал заместителем начальника Управления полиции. И уже в те времена любил подолгу держать посетителей в приемной.

– Неужели? У нас я такого не заметила.

Босх слегка запутался: ведь его пригласили войти на пятнадцать минут позже назначенного времени.

– Должно быть, прочел об этом приеме в учебнике по карьерному росту, – сказал он. – Ну, вы понимаете: даже если человек пришел вовремя, пусть подождет. Поймет, как сильно вы заняты. Когда войдет в кабинет, у вас уже будет моральное преимущество.

– Это разновидность деловой философии? Я с такой незнакома.

– Деловой? Скорее, полицейской.

Они вошли в кабинет, разделенный надвое. В первой секции, весьма просторной, стояли два рабочих стола. За одним сидел парень в костюме – лет двадцать пять, плюс-минус. Второй стол, по всей видимости, принадлежал Глории. Они подошли к двери в перегородке. Открыв ее, Глория отступила в сторону.

– Входите, – сказала она. – Принести вам бутылку воды?

– Нет, спасибо, – ответил Босх. – Мне и так хорошо.

Он вошел во вторую секцию, еще более просторную. Слева от двери был рабочий стол, справа – пространство для душевных бесед: два дивана, а между ними журнальный столик со стеклянным верхом. Крейтон сидел за столом, показывая, что встреча с Босхом носит официальный характер.

В последний раз Босх видел Крейтона вживую лет десять назад. Когда именно, он не помнил. Скорее всего, на собрании отдела, когда Крейтон зашел сообщить новости о начислении сверхурочных или компенсации транспортных расходов. Тогда он, помимо прочих управленческих дел, занимался полицейской бухгалтерией. Именно Крейтон был автором драконовских правил по сверхурочным: теперь каждую «зеленку» – карточку для выплаты – требовалось заполнить самым подробнейшим образом, а потом еще и заверить у начальства. Поскольку карточки заверяли – или не заверяли – задним числом, считалось, что новые правила призваны умирить пыл копов во всем, что касается сверхурочной работы. Или, что еще хуже, разжечь этот пыл, а потом не заплатить или компенсировать отгулами. После этой реформы к Крейтону прилипло прозвище Кретин, весьма популярное среди личного состава.

Вскоре он ушел из полиции в частный сектор, но «зеленки» до сих пор были в ходу. В Управлении Крейтона вспоминали не из-за перестрелки, спасения заложников или ареста опасного преступника. Нет, в память о себе он оставил лишь зеленый листок для учета сверхурочных.

– Гарри, входите, – пригласил Крейтон. – Присаживайтесь.

Босх подошел к столу. Крейтон был на несколько лет старше его, но держал себя в хорошей форме. Он встал из-за стола, выставив руку для рукопожатия. На Крейтоне была серая «тройка», искусно подогнанная по стройной фигуре. От него веяло ароматом денег. Босх пожал ему руку и сел напротив стола. Он пришел на встречу в повседневной одежде: синие джинсы, голубая джинсовая рубашка и черная вельветовая куртка, которую он не снимал уже лет двенадцать, а то и больше. Костюмы, что остались со службы в Управлении, Босх убрал в портпледы. И не собирался доставать один из них ради встречи с Кретином.

– Как поживаете, шеф? – спросил он.

– Я уже не шеф, – хохотнул Крейтон. – Было да прошло. Зовите меня Джон.

– Как поживаете, Джон?

– Простите, что заставил вас ждать. Беседовал по телефону с клиентом. Сами понимаете, клиенты всегда в приоритете. Верно?

– Конечно. Я не в обиде. Вид из окна мне очень понравился.

Окно за спиной у Крейтона выходило на противоположную часть города: на северо-восток, Сивик-Сентер и заснеженные вершины Сан-Бернардино. Но Босх решил, что Крейтон выбрал этот офис не из-за вида на горы. Скорее, ему нравилось разглядывать Сивик-Сентер. Повернувшись к окну, Крейтон сверху вниз смотрел на шпиль ратуши, на здание полицейской администрации, на редакцию «Лос-Анджелес таймс» и, наверное, думал: «Я, Крейтон, поднялся выше всех».

– Видеть мир под таким углом... Просто дух захватывает, – прокомментировал Крейтон. Кивнув, Босх перешел к делу:

– Итак, чем могу помочь... Джон?

– Ну, во-первых, позвольте поблагодарить, что пришли, даже не спросив, зачем вас позвали. Глория сказала, достучаться до вас было непросто.

– Ну да, уж извините. Я говорил ей, и вам повторю: если хотите предложить работу, меня это не интересует. У меня есть работа.

– Да, знаю. Сан-Фернандо. Но это скорее хобби – верно?

Крейтон произнес эти слова с легкой насмешкой в голосе, и Босху вспомнилась фраза из какого-то фильма: «Ты или коп, или мелкая сошка». Выходит, если работаешь в маленьком управлении, остаешься мелкой сошкой.

– Дел ровно столько, сколько мне нужно, – ответил Босх. – И еще у меня есть лицензия частного детектива. Бывает, беру клиентов.

– Наверное, по рекомендации? – спросил Крейтон.

Босх какое-то время смотрел на него.

– Полагаете, я должен прыгать от радости, что вы меня пригласили? – наконец осведомился он. – Работать в вашей компании я не собираюсь. Не важно, сколько денег вы предложите и какие дела поручите вести.

– Позвольте задать вам один вопрос, Гарри, – произнес Крейтон. – Вам известно, чем мы занимаемся?

Прежде чем ответить, Босх взглянул ему за спину, на заснеженные горные вершины.

– Мне известно, что у вас служба безопасности высокого уровня. Для тех, кто может позволить себе такую роскошь, – ответил он.

– Вот именно, – подтвердил Крейтон, поднял правую руку и оттопырил три пальца – видимо, в попытке изобразить трезубец. – Служба безопасности «Трезубец». Наша специализация – финансовая, технологическая и личная безопасность. Десять лет назад я возглавил подразделение в Калифорнии. У нас несколько офисов: здесь, в Нью-Йорке, Бостоне, Чикаго, Майами, Лондоне и Франкфурте. Скоро откроемся в Стамбуле. Серьезный бизнес, тысячи клиентов и очень крупные связи во всем, что касается нашей сферы деятельности.

– Молодцы, – кивнул Босх.

Прежде чем прийти сюда, он минут десять просидел за ноутбуком и собрал кое-какую информацию о «Трезубце», высококласной охранной фирме, появившейся в девяносто шестом году в Нью-Йорке. Ее основал корабельный магнат по имени Деннис Лоутон; в прошлом, когда он был на Филиппинах, его похитили ради выкупа. Для начала Лоутон поставил во главе фирмы бывшего комиссара полиции Нью-Йорка, а потом действовал по шаблону: открывая представительство в том или ином городе, приглашал на руководящий пост местного шефа или высокопоставленного копа, чтобы привлечь интерес СМИ и заручиться столь необходимой поддержкой местной полиции. Поговаривали, что десять лет назад Лоутон хотел переманить к себе начальника полиции Лос-Анджелеса, но тот отказался, и Лоутон сделал предложение Крейтону.

– Я говорил вашей помощнице, что работа в «Трезубце» меня не интересует, – произнес Босх. – Она же ответила, что речь не о работе. Так расскажите вы, в чем дело, и мы разойдемся.

– Смею заверить, что я не собираюсь предлагать вам место в «Трезубце», – сказал Крейтон. – Честно говоря, для работы нам необходимо безусловное уважение и сотрудничество со стороны Управления полиции Лос-Анджелеса, ибо дела наших клиентов порой бывают весьма деликатны. Поступи вы на службу в «Трезубец», у нас могли бы возникнуть проблемы.

– Имеете в виду мой судебный процесс?

– Именно.

Большую часть прошлого года Босх был истцом в судебном разбирательстве. Ответчиком выступало Управление, в котором он проработал больше тридцати лет. Босх подал в суд, ибо считал, что его незаконно вынудили уйти на пенсию. Из-за этого в полиции к Босху относились с некоторой неприязнью. Казалось, все забыли о том, что за время службы он поймал более сотни убийц. Суд закончился, но некоторые полицейские – в основном птицы высокого полета – по-прежнему считали Босха своим врагом.

– Значит, если вы позовете меня работать в «Трезубец», это не пойдет на пользу вашим отношениям с Управлением полиции Лос-Анджелеса, – сказал Босх. – Понимаю. Но вы пригласили меня не просто так. Что случилось?

Крейтон кивнул. Пора было говорить по существу.

– Вам знакомо имя Уитни Вэнса? – спросил он.

– Разумеется, – кивнул Босх.

– Короче говоря, он наш клиент, – сказал Крейтон. – Он и его компания «Адванс инжиниринг».

– Уитни Вэнс? Ему же лет восемьдесят.

– Вообще-то, восемьдесят пять. И...

Открыв средний ящик, Крейтон выложил на стол некий документ. Присмотревшись, Босх увидел, что это распечатанный чек с прикрепленным корешком. Очков на нем не было, и он не разобрал ни суммы, ни других подробностей.

– Он хочет поговорить с вами, – закончил фразу Крейтон.

– О чем? – спросил Босх.

– Не знаю. Уитни Вэнс сказал, что дело приватное, и просил прислать именно вас. Назвал ваше имя. И заявил, что ни с кем другим разговаривать не станет. Вот заверенный чек на десять тысяч долларов – он ваш, если согласитесь на встречу. Независимо от ее исхода.

Босх не знал, что ответить. В суде он выиграл приличную сумму, но перевел почти все деньги в долгосрочные инвестиции, чтобы ни в чем не нуждаться в старости и оставить ошутимое наследство дочери. Но ей оставалось учиться больше двух лет, а потом еще и магистратура... Стипендию платили неплохую, но в ближайшем будущем соскочить с крючка не получится. Босх не сомневался, что найдет, как потратить эти десять тысяч.

– Где и когда запланирована встреча? – наконец спросил он.

– Завтра утром в Пасадене, дома у мистера Вэнса, – ответил Крейтон. – Адрес указан на квитанции, приложенной к чеку. Возможно, вы захотите одеться поприличнее...

Босх обратил внимания на шпильку в адрес своего наряда. Сунув руку во внутренний карман куртки, достал очки, нацепил их на нос и взял со стола чек. Тот был выписан на его полное имя: Иероним Босх.

Внизу была отрывная линия, а под ней – адрес, время встречи и предостережение: «Приходите без оружия». Босх свернул чек по перфорации и, глядя на Крейтона, убрал его в карман куртки.

– Сейчас я поеду в банк, – сказал он. – Переведу эти деньги на депозитный счет. Если проблем не возникнет, завтра буду на месте.

– Проблем не возникнет, – притворно улыбнулся Крейтон.

Босх кивнул.

– Значит, у нас всё? – спросил он, поднимаясь на ноги.

– Еще один момент, Босх, – сказал Крейтон.

Босх заметил, что Крейтон назвал его не по имени, а по фамилии. Должно быть, за эти десять минут Босх упал в его глазах.

– Что такое? – спросил он.

– Понятия не имею, о чем вас попросит старик, но я всецело на его стороне, – ответил Крейтон. – Он для меня больше чем просто клиент, и я не хочу, чтобы в таком возрасте его обвели вокруг пальца. Что бы он вам ни поручил, я должен быть в курсе дела.

– Вокруг пальца? Если не ошибаюсь, Крейтон, вы сами меня вызвали. Если кого и хотят обвести вокруг пальца, то лишь меня. И не важно, сколько Вэнс мне платит.

– Уверяю, об этом не стоит волноваться. Никто вас не обманет. Разве что обсчитают на заправке по пути в Пасадену. На встречу, за которую вы только что получили десять тысяч долларов.

– Хорошо, – еще раз кивнул Босх. – Поверю вам на слово. Завтра съезжу к старику и узнаю, зачем я ему понадобился. Но если я возьмусь за дело – каким бы оно ни было, – вся информация останется между мною и моим клиентом. Вы ничего не узнаете, если только Вэнс не велит мне что-то вам рассказать. Я работаю только так, невзирая на статус клиента.

Он направился к выходу. У двери обернулся и взглянул на Крейтона:

– Спасибо за вид.

И вышел, закрыв за собой дверь.

В фойе Босх остановился у стойки администратора, чтобы отметить парковочный талон. Хотел убедиться, что Крейтон выложит двадцать баксов за стоянку и мойку, на которую Босх согласился, когда сдавал машину парковщику.

Глава 2

Поместье Вэнса располагалось на Сан-Рафаэль-авеню, неподалеку от гольф-клуба «Аннандейл». Здесь жили потомственные богачи. Дома и участки за каменными стенами и черными металлическими оградами переходили от одного поколения к другому. Этот район был совсем не похож на Голливуд-Хиллз, где нувориши ежедневно выставляли мешки с мусором на тротуар. Тут не было табличек «Дом продается». Купить здесь недвижимость мог лишь друг или родственник кого-то из местных.

Босх оставил машину у обочины в сотне ярдов от ворот поместья, увенчанных витиеватыми шипами в виде цветов. Какое-то время он рассматривал изгибы подъездной дорожки – та вилась между двумя покатыми, поросшими травой холмами, а потом скрывалась из виду. Босх не увидел никаких строений. Даже гаража и того не было. Наверное, все здания стояли подальше от улицы, под надежной защитой металла, охранников и складок местности. Но Босх знал, что где-то там, за холмами цвета долларовой бумажки, его ждет старик по имени Уитни Вэнс. Он что-то задумал, и, чтобы осуществить этот замысел, ему нужен человек по другую сторону шипастой ограды.

Босх приехал с запасом в двадцать минут и решил потратить это время на чтение статей, которые нашел утром в Интернете и скачал на ноутбук.

Как и всякий житель Калифорнии, он был знаком с биографией Уитни Вэнса, но лишь в общих чертах. Некоторые ее подробности были достойны восхищения: Вэнс, в отличие от большинства богатых наследников, сумел приумножить свой капитал. Его семья разбогатела во времена калифорнийской золотой лихорадки. Четыре поколения назад его прадед перебрался в Пасадену разведывать новые месторождения, но родовое богатство Вэнсов стояло на ином фундаменте. Устав от погони за золотом, прадед Уитни Вэнса основал первую в стране компанию по открытым горным работам и стал добывать железную руду на землях округа Сан-Бернардино – тонну за тонной. Дед Вэнса пошел по стопам своего отца: у семьи появился второй карьер чуть дальше к югу, в округе Империял. Его сын – отец Уитни Вэнса – добавил к активам семейства металлургический завод с полным производственным циклом. На заре авиастроения тот пришелся очень кстати. Говард Хьюз – первое лицо тогдашней авиации – активно сотрудничал с Нельсоном Вэнсом: поначалу Вэнс поставлял Хьюзу детали для самолетов, а позже стал его партнером во многих авиационных начинаниях. Помимо прочего, Хьюз был крестным отцом единственного сына Вэнса.

Уитни Вэнс появился на свет в 1931 году и уже в юности выбрал для себя особый путь. Сперва он поступил в Университет Южной Калифорнии на факультет кинопроизводства, но вскоре бросил учебу. Решив вернуться в лоно семейного бизнеса, он перевелся в Калифорнийский технологический институт в Пасадене – тот самый, где учился «дядя Говард». Именно Хьюз уговорил молодого Уитни посвятить себя изучению авиационной инженерии в Калтехе.

Когда пришел его черед, Вэнс, подобно своим предкам, стал развивать семейное дело в направлениях новых и все более успешных. Все они были связаны с источником семейного богатства: сталью. Выиграв множество государственных тендеров на производство запчастей для авиационной промышленности, Вэнс основал компанию «Адванс инжиниринг» и запатентовал почти всю свою продукцию. Соединительными муфтами для заправки самолетов, усовершенствованными на семейном заводе Вэнсов, до сих пор пользовались в аэропортах всего мира. Из железной руды, добываемой в карьерах Вэнса, извлекали феррит: этот материал применялся на ранних стадиях разработки летательных аппаратов, способных обмануть радары. Вэнс аккуратно запатентовал все этапы этого процесса и держал их в строжайшем секрете, тем самым на многие десятилетия застолбив себе место в сфере стелс-технологий. Вэнс и его фирма стали неотъемлемой частью так называемого военно-промышленного комплекса, а с

началом кампании во Вьетнаме капитализация «Адванс инжиниринг» выросла в геометрической прогрессии. Во время войны любой самолет или вертолет, вылетающий в зону боевых действий или за ее пределы, был собран из деталей «Адванс инжиниринг». Логотип компании – букву «А» в виде направленной вверх стрелы – Босх видел на металлических корпусах всех вертушек, на которых ему доводилось летать во Вьетнаме.

В стекло требовательно постучали. Вздрогнув, Босх поднял глаза. Рядом с водительской дверцей стоял патрульный в форме полиции Пасадены. Глянув в зеркало заднего вида, Босх увидел черно-белую полицейскую машину. Он так увлекся чтением, что не заметил, как к нему подъехал коп.

Чтобы опустить стекло, пришлось завести двигатель «чероки». Босх знал, в чем дело. У поместья одной из богатейших семей Калифорнии стоит двадцатидвухлетний автомобиль, который не мешало бы подкрасить. Не важно, что машина чисто вымыта. Не важно, что ради такого случая Босх достал из пластикового портплекда отличный костюм и даже повязал галстук. Зрелище весьма подозрительное: в районе появился чужак. Не прошло и пятнадцати минут, как патрульный прибыл по тревожному сигналу.

– Понимаю, как все выглядит со стороны, – начал Босх, – но через пять минут у меня встреча. Вон в том поместье, через дорогу. Я просто...

– Замечательно, – сказал коп. – Вы не могли бы выйти из машины?

Босх пристально посмотрел на него. На рубашке копа, чуть выше нагрудного кармана, была нашивка с именем «Купер».

– Вы что, шутите?

– Нет, сэр, я не шучу, – ответил Купер. – Выйдите, пожалуйста, из машины.

Глубоко вздохнув, Босх открыл дверцу и подчинился приказу. Поднял руки к плечам и сообщил:

– Я полицейский.

Купер тут же насторожился. Босх знал, что так оно и будет.

– Я не вооружен, – быстро добавил Босх. – Пистолет в бардачке.

И мысленно поблагодарил того, кто сделал пометку «Приходите без оружия» на чеке.

– Покажите удостоверение личности, – потребовал Купер.

Босх медленно сунул руку во внутренний карман пиджака и достал чехол с жетоном. Рассмотрев жетон, Купер принялся изучать удостоверение.

– Здесь говорится, что вы резервист, – заметил он.

– Да, – подтвердил Босх. – Работаю на общественных началах.

– Но выехали за границы своей резервации. На целых пятнадцать миль. Что вы здесь делаете, детектив Босх?

Купер вернул чехол с жетоном, и Босх спрятал его в карман.

– Об этом я и пытался рассказать, – сказал он. – У меня встреча с мистером Вэнсом. Думаю, вам известно, чье это поместье. – Босх показал пальцем на черные ворота. – Кстати, из-за вас я опаздываю.

– Что за встреча? Полицейское дело? – спросил Купер.

– Вообще-то, вас это не касается, – ответил Босх.

Какое-то время они холодно, не мигая, смотрели друг на друга.

– Мистер Вэнс ждет меня, – продолжил наконец Босх. – Он такой человек, что обязательно спросит, почему я опоздал. И пожалуй, примет меры. Вашу фамилию, Купер, я уже прочел на рубашке. Могу я узнать ваше имя?

Купер моргнул.

– Да, – пробормотал он. – Меня зовут «Катись куда подальше». Хорошего дня. – И, развернувшись, пошел к патрульной машине.

– Спасибо, – бросил Босх ему в спину, сел за руль и тут же отъехал от обочины.

Если бы старичок-«чероки» способен был оставить на асфальте черный резиновый след, Босх не преминул бы этим воспользоваться. Но сумел лишь обдать машину Купера струей сизого дыма из ржавой выхлопной трубы.

Босх остановился у въезда в поместье – рядом с камерой наблюдения и переговорным устройством. Почти сразу из динамика донеслось:

– Да?

Голос был мужской, молодой, усталый и надменный. Хоть Босх и допускал, что повышать тон нет необходимости, он, высунувшись в окно, громко произнес:

– Гарри Босх к мистеру Вэнсу. У меня назначено.

Мгновением позже створки ворот начали разъезжаться в стороны.

– Следуйте по подъездной дорожке до парковочного кармана за будкой охранника, – сообщил голос. – Возле металлодетектора вас встретит мистер Слоун. Оружие и все записывающие устройства оставьте в бардачке машины.

– Понял, – сказал Босх.

– Проезжайте, – разрешил голос.

Теперь ворота были полностью открыты. Оказавшись на территории поместья, Босх поехал вперед по выложенной булыжником дорожке, разглядывая аккуратно подстриженные изумрудные холмы. Наконец он остановился возле второй ограды, за которой была сторожевая будка. Подобную систему защиты – с двойным забором – Босх видел во всех тюрьмах, где ему довелось побывать. Но в отличие от тюремных здешние ограды предназначались для того, чтобы не впускать непрошенных гостей.

Открылись вторые ворота. Охранник в темно-синей форме вышел из будки и указал на парковочный карман. Проезжая мимо, Босх помахал охраннику рукой и заметил у него на плече нашивку с трезубцем.

Когда Босх вышел из машины, ему было велено положить ключи, телефон, часы и ремень в пластиковый лоток, после чего пройти через металлодетектор – из тех, что ставят в аэропортах. За детектором наблюдали еще двое парней из «Трезубца». Они вернули Босху все, за исключением телефона, объяснив, что положат его в бардачок машины.

– Кто-нибудь, кроме меня, заметил парадокс? – спросил Босх, продевая ремень в петли брюк. – Эта семья сколотила состояние на металле, а теперь, чтобы попасть в дом, нужно пройти через металлодетектор.

Охранники промолчали.

– Ну ладно. Значит, никто, – кивнул Босх.

Застегнув ремень, он проследовал к очередному охраннику: в костюме, с неизменным наушником в ухе, микрофоном на запястье и безжизненным взглядом сотрудника секретной службы. Слово в довершение образа крутого парня, голова мужчины была обрита наголо. Он не представился, но Босх предположил, что перед ним тот самый Слоун, о котором ему сообщили по интеркому. Не проронив ни слова, мужчина провел Босха к служебному входу в огромный особняк из серого камня – пожалуй, не хуже, чем у Дюпонов и Вандербильтов. Если верить Википедии, Босх пришел в гости к шести миллиардам долларов. Входя в дом, он подумал, что никогда еще не подбирался столь близко к хозяевам Америки. И вряд ли такому суждено случиться вновь.

Его проводили в мрачную, отделанную деревом комнату. На одной из стен в четыре ряда висели рамки с фотографиями формата А4 – штук сорок или около того. В углу стояли два дивана, рядом с ними был бар. Мужчина в костюме указал Босху на диван:

– Присядьте, сэр. Когда мистер Вэнс будет готов к встрече, за вами зайдет секретарша.

Босх выбрал диван напротив стены с фотографиями.

– Не желаете стакан воды? – спросил «костюм».

– Нет, мне и так хорошо, – ответил Босх.

«Костюм» занял место у двери, через которую они только что вошли. Обхватив правой ладонью левое запястье, он застыл в позе, означавшей: «Я все вижу и готов к чему угодно».

Чтобы скоротать время, Босх принялся рассматривать фотографии с зарисовками из жизни Уитни Вэнса и изображением людей, с которыми он встречался. На первом фото был Говард Хьюз в обществе какого-то подростка – должно быть, Вэнса. Оба стояли, прислонившись к некрашеному металлическому фюзеляжу самолета. Похоже, чтобы соблюсти хронологию, снимки нужно было рассматривать слева направо. На каждой фотографии был Вэнс, а рядом с ним – известные промышленники, политики и медийные персоны. Босх не сумел бы назвать по именам всех, с кем позировал Вэнс, но большинство лиц – от Линдона Джонсона до Ларри Кинга – были ему знакомы. На всех фотографиях Вэнс одинаково улыбался левым уголком рта, словно давая понять, что это не он предложил сделать снимок. От одного фото к другому лицо его становилось все старше, веки все тяжелее, но улыбка оставалась прежней.

Фотографий с Ларри Кингом, знаменитым ведущим ток-шоу с известными людьми на канале Си-эн-эн, было две. На первой Вэнс и Кинг сидели друг напротив друга в студии, где более двадцати лет снималась передача «Ларри Кинг в прямом эфире». На столе между ними обложкой к камере стояла книга. На второй фотографии Вэнс ставил в книге автограф для Кинга – похоже, золотой ручкой. Босх встал и подошел к стене, чтобы рассмотреть снимки как следует. Надел очки, всмотрелся в первое фото и прочел название книги, которую Вэнс рекламировал по телевидению: «Уитни П. Вэнс. СТЕЛС: История создания самолета-невидимки».

Название было знакомым. Босх вспомнил, как Уитни Вэнс написал историю своей семьи, а критики разгромили ее, и вовсе не из-за содержания. Из-за того, что слишком многое осталось недосказанным. Отец его, Нельсон Вэнс, в свое время был акулой бизнеса и неоднозначной политической фигурой. Ходили бездоказательные слухи, что он был членом тайного общества промышленников, богатых сторонников евгеники. Предметом этой так называемой науки было улучшение человечества через контроль за деторождением и ликвидацию потомства с нежелательными характеристиками. После того как во время Второй мировой войны нацисты устроили под этим сомнительным знаменем настоящий геноцид, люди вроде Нельсона Вэнса сочли, что лучше помалкивать о своих убеждениях.

Книга Уитни Вэнса являла собою апофеоз тщеславия. В ней всячески восхвалялись достоинства его отца, но не было ни слова о недостатках. С возрастом Уитни Вэнс превратился в форменного затворника. На публике он появился, лишь чтобы разрекламировать свою книгу. Тогда-то на него и набросились с вопросами о тайных подробностях отцовской биографии.

– Мистер Босх?

Он обернулся. В другом конце комнаты, у двери, ведущей в коридор, стояла женщина. На вид ей было лет семьдесят. Седые волосы ее были собраны в деловитый пучок на макушке.

– Меня зовут Ида. Я секретарь мистера Вэнса, – сказала она. – Он готов с вами встретиться.

Босх проследовал за ней в коридор длиною в городской квартал. В конце его был короткий лестничный пролет, а за ним – еще один коридор, ведущий в крыло здания, выстроенное чуть выше по склону холма.

– Простите, что заставили вас ждать, – произнесла Ида.

– Ничего страшного, – отозвался Босх. – Я с удовольствием посмотрел фотографии.

– От них так и веет историей.

– Согласен.

– Мистер Вэнс с нетерпением ждет встречи с вами.

– Славно. Никогда не общался с миллиардером.

После этой фразы разговор был окончен. Похоже, заводить речь о деньгах в этом особняке, являвшем собою памятник богатству, было грубо и бестактно.

Наконец они подошли к двустворчатым дверям. Ида ввела Босха в домашний кабинет Уитни Вэнса.

Человек, к которому пришел Босх, сидел за столом спиной к камину – такому здоровенному, что в нем можно было бы укрыться во время торнадо. Он дал знак подойти ближе, подняв худосочную руку – столь бледную, словно на ней была латексная перчатка.

Босх приблизился к столу. Вэнс указал на одинокое кожаное кресло напротив. Он не протянул руки гостю. Заняв свое место, Босх заметил, что Вэнс сидит в кресле-каталке с пультом управления на левом подлокотнике. На темном полированном столе лежал один-единственный лист бумаги – то ли чистый, то ли перевернутый лицевой стороной вниз.

– Как поживаете, мистер Вэнс? – вежливо спросил Босх.

– Как поживаю? По-стариковски, вот как я поживаю, – ответил Вэнс. – Как я ни старался победить время, оно мне не по зубам. Да и никому другому. Человеку с моим положением непросто говорить такие слова, мистер Босх, но я смирился с неизбежным.

Подняв все ту же костлявую бледную руку, он обвел всю комнату одним широким жестом и добавил:

– Вскоре все это потеряет всякий смысл.

На всякий случай Босх оглянулся – мало ли, может, Вэнс хотел что-то ему показать. Справа стоял длинный белый диван и кресла того же цвета. Рядом была ширма, за которой при необходимости мог скрыться хозяин кабинета. На двух стенах висели картины – холсты с яркими цветовыми пятнами.

Босх снова посмотрел на Вэнса. Старик удостоил его кривой улыбкой – той самой, что Босх видел на фотографиях в приемной, левым уголком рта. Похоже, он не умел улыбаться полностью – ни в прошлом, ни теперь.

Босх не вполне понял, как реагировать на слова старика о смерти и тщетности всего сущего. Вместо этого он произнес фразу, которую не раз повторял про себя с тех пор, как побывал у Крейтона:

– Итак, мистер Вэнс, мне сказали, что вы желаете меня видеть. И вы заплатили изрядную сумму, чтобы я сюда приехал. Возможно, для вас это пустяки, но для меня нет. Чем могу помочь, сэр?

Вэнс перестал улыбаться и кивнул.

– Сразу видно, что вы человек дела, – сказал он. – Мне это нравится.

Коснувшись пульта управления, он подъехал к столу.

– Я прочел о вас в газете, – продолжил он. – По-моему, в прошлом году. Тот случай с врачом и перестрелкой... Вы произвели на меня впечатление человека, умеющего стоять на своем, мистер Босх. На вас крепко давили, но вы не прогнулись. Это похвально. В наши дни таких людей немного, а мне нужен именно такой человек.

– Что вы хотите мне поручить? – снова спросил Босх.

– Хочу, чтобы вы кое-кого нашли, – сказал Вэнс. – Не исключено, что этого человека никогда не было на свете.

Глава 3

Заинтриговав Босха своей просьбой, Вэнс левой рукой перевернул лист бумаги и сказал, что продолжит после того, как Босх поставит на нем свою подпись.

– Это документ о неразглашении, – пояснил он. – По словам моего юриста, безупречный. Подписав его, вы гарантируете, что не раскроете содержания нашей беседы или подробностей расследования никому, кроме меня. Никому из моих служащих. Никому из тех, кто придет к вам от моего имени. Лишь мне, мистер Босх. Подписав этот документ, вы будете держать ответ только передо мной. И не станете сообщать о результатах расследования никому, кроме меня. Понятно?

– Да, понятно, – ответил Босх. – Это меня не смущает.

– Что ж, прекрасно. Вот вам ручка.

Подвинув лист бумаги на край стола, Вэнс взял с вычурной золотой подставки ручку и протянул ее Босху. Она оказалась чернильная, тяжелая и толстая – судя по всему, из чистого золота. Такая же, как на фотографии, где Вэнс давал автограф Ларри Кингу.

Просмотрев документ, Босх оставил на нем свой росчерк. Положил ручку на листок и подвинул его обратно Вэнсу. Старик убрал документ в ящик стола, закрыл его на ключ, взял ручку и поднял так, чтобы Босх хорошенько ее рассмотрел.

– Эта вещица сделана из золота, добытого моим прадедом в тысяча восемьсот пятьдесят втором году на приисках Сьерра-Невады, – сказал Вэнс. – А потом конкуренты вынудили его двинуться на юг. И он понял, что на железе можно заработать больше, чем на золоте. – Он повертел ручку в пальцах и продолжил: – Ее передавали из поколения в поколение. Я получил ее, когда уезжал учиться.

Вэнс смотрел на ручку так, словно видел ее впервые в жизни. Босх молчал. Он думал, не страдает ли Вэнс от слабоумия, признаком коего можно считать его просьбу: найти человека, которого, возможно, никогда не существовало.

– Мистер Вэнс... – произнес он.

Вернув ручку на подставку, Вэнс взглянул на Босха.

– Мне некому ее оставить, – сказал он. – И все остальное оставить некому.

Он говорил правду. Босх уже ознакомился с его биографией. Вэнс ни разу не был женат и не имел детей. Кое-где встречались косвенные намеки, что он гомосексуалист, но эта информация оставалась неподтвержденной. Еще кое-где говорилось, что Вэнс целиком посвятил себя работе, не оставив в жизни места для долгосрочных отношений, не говоря уже о создании семьи. У него было несколько кратких романов – по большей части с голливудскими старлетками. Не исключено, что фиктивных, чтобы развеять слухи о его гомосексуальности. Но за последние сорок лет в прессу не просочилось ни капли информации о личной жизни Вэнса.

– У вас есть дети, мистер Босх? – спросил Вэнс.

– Дочь, – ответил Босх.

– Где она?

– В округе Ориндж. Учится в Университете Чепмена.

– Неплохо. Что изучает? Фильмопроизводство?

– Психологию.

Откинувшись на спинку кресла, Вэнс устремил взгляд в прошлое.

– Я, когда был юн, хотел изучать фильмопроизводство. Мечты молодости... – не закончив мысль, проговорил он.

Босх понял, что деньги придется вернуть. Старик определенно был не в себе. Ни о какой работе не могло быть и речи. Для Вэнса десять тысяч – это капля в море, но Босх никогда не брал денег у больных людей. И не важно, насколько эти люди богаты.

Вынырнув из пучины воспоминаний, Вэнс взглянул на Босха. Казалось, старик прочел его мысли. Вцепившись левой рукой в подлокотник кресла, он подался вперед и сказал:

– Пожалуй, нужно ввести вас в курс дела.

– Да, было бы неплохо, – кивнул Босх.

Вэнс кивнул в ответ и все так же криво улыбнулся. На мгновение опустив взгляд, он вновь посмотрел на Босха. Глубоко посаженные глаза его блеснули за стеклами очков без оправы.

– Давным-давно я сделал ошибку, – начал он. – И не исправил ее. Ни разу не оглянулся. Теперь же я хочу узнать, есть ли у меня наследник. Чтобы было кому передать золотую ручку.

Какое-то время Босх удивленно смотрел на него, надеясь, что старик станет развивать свою мысль. Но тот, похоже, переключился с одного воспоминания на другое.

– В восемнадцать лет я не желал связываться с отцовским бизнесом, – сказал Вэнс. – Мечтал стать новым Орсоном Уэллсом. Хотел делать фильмы, а не запчасти для самолетов. Я был самонадеян, что неудивительно для юноши.

Босх вспомнил себя в возрасте восемнадцати лет. Желание выбрать свой собственный путь завело его в подземные ходы вьетконговцев.

– Я настаивал на изучении кинопроизводства, – продолжил Вэнс. – В тысяча девятьсот сорок девятом году поступил в Университет Южной Калифорнии.

Босх покивал. Ему уже было известно, что через год учебы Вэнс перевелся в Калтех и пошел по стопам отца. Почему? В Интернете об этом не было ни слова. Босх понял, что вот-вот узнает ответ на этот вопрос.

– Я встретил девушку, – произнес Вэнс. – Мексиканку. Вскоре она забеременела. Это было самое кошмарное событие в моей жизни. Хотя нет, рассказывать обо всем отцу было еще хуже. – Умолкнув, он опустил глаза на столешницу.

Додумать остальное было нетрудно, но Босх хотел услышать все из уст самого Вэнса. А если не все, то как можно больше.

– Что случилось? – спросил он.

– Отец послал к ней своих людей, – ответил Вэнс. – Чтобы те убедили ее избавиться от ребенка. Эти люди должны были увезти ее в Мексику и решить все раз и навсегда.

– Она уехала?

– Если и уехала, то не с людьми моего отца. Она исчезла из моей жизни, и больше я ее не видел. А пуститься на поиски мне не хватило смелости. У отца тогда появились все необходимые рычаги давления. Он грозил мне позором, бесславием, даже уголовным преследованием из-за возраста девушки. Я сделал, что было велено. Перевелся в Калтех, и моей самонадеянности пришел конец. – Вэнс кивнул, словно ставил точку в своем рассказе. – Времена были другие... И для нее, и для меня.

Подняв взгляд, Вэнс какое-то время смотрел Босху в глаза, после чего продолжил:

– Но теперь я хочу все узнать. Когда дошел до самого конца, появляется желание вернуться к началу...

Помолчав несколько секунд, он заговорил снова:

– Вы способны мне помочь, мистер Босх?

Боль в глазах Вэнса была неподдельной. Босх кивнул:

– Прошло много времени, но попробовать можно. Разрешите задать несколько вопросов и сделать кое-какие пометки?

– Делайте свои пометки, – сказал Вэнс. – Но повторяю: все, что касается нашего с вами дела, должно оставаться в строгом секрете. Под угрозой могут оказаться человеческие жизни. Вы обязаны будете оглядываться на каждом шагу. Не сомневаюсь, что кое-кто захочет выяснить, зачем я искал встречи с вами. И какую работу вам предложил. У меня уже есть легенда, но ее мы обсудим позже. Теперь же задавайте свои вопросы.

«Под угрозой могут оказаться человеческие жизни» – эти слова эхом отозвались в груди Босха. Он вынул из внутреннего кармана пиджака миниатюрную записную книжку. Достал ручку – не золотую, а пластмассовую. Он купил эту ручку в драгсторе.

– Вы только что сказали, что под угрозой могут оказаться человеческие жизни. Чьи? Почему?

– Не прикидывайтесь простачком, мистер Босх. Уверен, что перед нашей встречей вы провели мало-мальские исследования. У меня нет наследников, по крайней мере известных миру. Когда я умру, у руля «Адванс инжиниринг» встанет совет директоров. Эти люди продолжат набивать карманы, наживая миллионы на государственных заказах. Но если у меня найдется наследник, все изменится. На карту поставлены миллиарды долларов. Думаете, на свете нет организаций или частных лиц, способных пойти на убийство ради такой суммы?

– Могу сказать по собственному опыту, что люди способны пойти на убийство по любой причине. И даже вовсе без нее, – сказал Босх. – Допустим, я выясню, что у вас есть наследник. Не исключено, что он окажется в опасности. Вы уверены, что этого хотите?

– Я предложу наследнику выбор, – ответил Вэнс. – Думаю, таков мой долг. И буду защищать этого человека всеми доступными мне средствами.

– Как ее звали? Ту девушку, что забеременела?

– Вибиана Дуарте.

Босх записал имя в блокнот:

– Вы, случаем, не знаете, когда она родилась?

– Этого я не помню.

– Она училась в Университете Южной Калифорнии?

– Нет. Мы познакомились в ОК. Она там работала.

– ОК?

– Студенческий кафетерий. Он назывался «Общая кухня». Сокращенно – ОК.

Босх тут же расстался с надеждой найти Вибиану Дуарте через реестр студентов. Обычно такие записи были весьма полезны, ибо руководство учебных заведений, как правило, следило за судьбой выпускников. Но Вибиана не училась в университете, а это значило, что разыскать ее будет трудно, а то и невозможно.

– Вы сказали, она мексиканка, – продолжил он. – То есть латиноамериканка? У нее было гражданство США?

– Не знаю. Вряд ли. Отец...

Он не договорил.

– Что отец? – спросил Босх.

– Не знаю, правда ли это, но отец сказал, что таков был ее замысел, – произнес Вэнс. – Она забеременела, чтобы выйти за меня замуж и получить гражданство. Но отец много чего говорил, и не все его слова были правдивы. К тому же убеждения его были... скажем так, неоднозначными. Так что не знаю.

Вспомнив Нельсона Вэнса и его увлечение евгеникой, Босх задал следующий вопрос:

– Скажите, нет ли у вас фотографии Вибианы?

– Нет, – ответил Вэнс. – Не представляете, как часто я мечтал, чтобы у меня была ее карточка. Чтобы я мог еще раз взглянуть на нее.

– Где она жила?

– Рядом с университетом. В нескольких кварталах, не дальше. На работу ходила пешком.

– Не помните адрес? Может, название улицы?

– Нет, не помню. Это было так давно, и я слишком долго старался все забыть. Но беда в том, что с тех пор я никого не любил по-настоящему.

Вэнс впервые заговорил о любви. О том, насколько серьезными были их с Вибианой отношения. Босх знал: оглядываясь, человек смотрит на свою жизнь сквозь увеличительное стекло.

Все выглядит большим, даже огромным. Университетское свидание может показаться любовью всей жизни. Но прошло уже много десятилетий, а Вэнсу все еще было больно говорить на эту тему. Босх ему поверил.

– Как долго вы встречались, прежде чем все это случилось? – спросил он.

– Восемь месяцев, с первого до последнего свидания, – ответил Вэнс. – Восемь месяцев.

– Не помните, когда она сказала вам, что беременна? Хотя бы месяц или время года?

– Сразу после начала летнего курса. Я записался на него, чтобы видиться с Вибианой.

Значит, в тысяча девятьсот пятидесятом году, в конце июня. Может, в начале июля.

– Говорите, до этого вы встречались восемь месяцев?

– Учиться я начал в сентябре сорок девятого. Зашел в ОК и тут же заметил Вибиану.

Но заговорил с ней не сразу. Пару месяцев набирался храбрости.

Старик снова опустил глаза на столешницу.

– Что еще вы помните? Вы встречались с ее родственниками? – подсказал Босх. – Можете назвать какие-нибудь имена?

– Нет, не могу, – ответил Вэнс. – Вибиана была из католической семьи, и отец ее отличался строгостью. Я же не был католиком. Короче говоря, Ромео и Джульетта. Я не был знаком с ее родней, а она не встречалась с моей.

Услышав эти слова, Босх тут же ухватился за новую зацепку:

– Не знаете, в какую церковь она ходила?

Вэнс поднял глаза:

– Вибиана говорила, что ее назвали в честь церкви, в которой ее крестили. Это был собор Святой Вибианы.

Босх кивнул. Изначально собор Святой Вибианы располагался в центре города, в квартале от Главного управления полиции, где Босх когда-то работал. Зданию было больше сотни лет, и в девяносто четвертом году оно сильно пострадало при землетрясении. Рядом построили новый собор, а старый передали городу как памятник архитектуры. Теперь там был то ли концертный зал, то ли библиотека. Но зацепка была неплохой. В католических церквях обычно хранятся записи о рождении и крещении. Узнав, что Вибиана не была студенткой университета, Босх приуныл. Теперь же он снова приободрился. И еще один положительный момент: независимо от статуса родителей, Вибиана, скорее всего, была гражданкой США. А если так, записи о ней будет нетрудно отыскать в общественных архивах.

– Допустим, она выносила ребенка. Когда он должен был родиться?

Вопрос был щекотливый, но Босху хотелось сузить диапазон поисков.

– По-моему, она сказала мне о беременности, когда была на втором месяце, – припомнил Вэнс. – Так что ребенок должен был родиться в январе следующего года. Может, в феврале.

Босх все записал.

– Сколько ей было лет, когда вы встречались? – спросил он.

– Когда мы познакомились, ей было шестнадцать, – ответил Вэнс. – А мне восемнадцать.

Еще одна причина, по которой отец Вэнса воспринял все в штыки. Вибиана была несовершеннолетней. Беременная шестнадцатилетка в 1950 году... У младшего Вэнса были бы проблемы с законом. Мелкие, но весьма неприятные.

– Она ушла из школы после восьмого класса? Или училась до двенадцатого? – спросил Босх.

Он неплохо знал район Университета Южной Калифорнии. Если Вибиана училась, то в Школе ремесленного искусства. Там тоже могли сохраниться какие-то записи.

– Ушла, – сказал Вэнс. – Ей пришлось устроиться на работу. Семье нужны были деньги.

– Она не говорила, чем ее отец зарабатывал на жизнь?

– Не припоминаю.

– Ладно. Итак, вы не помните, когда она родилась. Скажите, за те восемь месяцев вы не отмечали ее день рождения?

Ненадолго задумавшись, Вэнс покачал головой:

– Нет. Не помню такого.

– Если я правильно понял, вы начали встречаться в конце октября, а расстались в конце июня. Или в начале июля. Значит, она родилась в промежуток между июлем и концом октября, плюс-минус. Верно?

Вэнс кивнул. Когда – и если – дело дойдет до работы с архивом, сократить временной промежуток до четырех месяцев будет весьма полезно. Прежде всего Босху нужно было выяснить дату рождения женщины по имени Вибиана Дуарте. Он записал названия месяцев и предполагаемый год рождения – 1933, потом снова поднял взгляд на Вэнса и спросил:

– Как считаете, ваш отец откупился от нее? Или от ее семьи? Чтобы Вибиана сбежала и помалкивала?

– Если и так, об этом он мне не говорил, – покачал головой Вэнс. – Но это я сбежал, не она. Мне до сих пор стыдно за этот трусливый поступок.

– Вы когда-нибудь пробовали ее найти? Нанимали кого-нибудь для поисков?

– К сожалению, нет. Насчет других сказать не могу.

– То есть?

– То есть весьма вероятно, что ее искали другие. В качестве упреждающего шага на случай моей смерти.

Какое-то время Босх обдумывал его слова. После этого взглянул на свои скудные записи и решил, что для начала хватит.

– Вы говорили, что придумали для меня легенду.

– Да. Запишите имя: Джеймс Франклин Олдридж.

– Кто он?

– Мой первый сосед по комнате в университетском общежитии. После первого семестра его отчислили.

– За неуспеваемость?

– Нет, по другой причине. Вот ваша легенда: я попросил вас найти своего соседа, потому что хочу извиниться перед ним. Мы оба кое-что сделали, но он взял вину на себя. Таким образом, вы сможете поднять архивы тех лет, не вызывая подозрений.

– Неплохо придумано, – кивнул Босх. – История реальная?

– Да.

– Думаю, мне нужно знать, что за поступок вы с ним совершили.

– Для поисков Олдриджа в этом нет необходимости.

Босх секунду подождал, но Вэнс ничего не добавил к сказанному. Гарри записал имя Олдриджа, попросив Вэнса произнести его по буквам, и закрыл блокнот.

– Последний вопрос. Вполне вероятно, что Вибиана Дуарте уже мертва. Что мне делать, если она родила вам наследника и я его найду? Связаться с ним?

– Нет, ни в коем случае. Никаких контактов, пока не отчитаетесь передо мной. Нужно будет тщательно все проверить, а потом уже делать следующий шаг.

– Проверить? Хотите провести анализ ДНК?

Кивнув, Вэнс какое-то время внимательно смотрел на Босха, после чего вновь открыл ящик стола. Достал из него пухлый белый конверт без надписей, положил на стол и подтолкнул к Босху:

– Я доверяю вам, мистер Босх. Теперь у вас достаточно информации, чтобы обмануть старика. Но я уверен, что вы не станете так поступать.

Босх взял конверт. Тот не был запечатан. Заглянув внутрь, он увидел прозрачную стеклянную пробирку с тампончиком для сбора слюны из полости рта. Это был образец ДНК Вэнса.

– Мистер Вэнс, раз уж речь зашла о доверии... Это у вас есть возможность меня обмануть.

– Поясните.

– Я бы предпочел собственноручно взять мазок.

– Поверьте мне на слово.

– И вы мне.

Вэнс кивнул. Больше обсуждать было нечего.

– Думаю, у меня достаточно информации, чтобы приступить к делу.

– В таком случае разрешите задать вам последний вопрос, мистер Босх.

– Слушаю.

– Я читал о вас в газетах, но ответа так и не нашел. Однако возраст у вас подходящий.

Чем вы занимались во время войны во Вьетнаме?

– Воевал, – помолчав, ответил Босх. – Был там дважды. Не исключено, что видел логотип вашей компании на вертолетах почаше, чем вы.

– Не исключено, – кивнул Вэнс.

Босх встал:

– Скажите, как связаться с вами, если возникнут новые вопросы или мне нужно будет отчитаться о проделанной работе?

– Ах да, минутку.

Вэнс выдвинул ящик стола, достал визитную карточку и дрожащей рукой протянул ее Босху. На карточке был один лишь телефонный номер.

– Позвоните по этому номеру, и я вам отвечу. Если трубку снимет кто-то другой, дело нечисто. Не доверяйте этому человеку.

Босх посмотрел на визитку и перевел взгляд на старика в инвалидном кресле. Кожа Вэнса была похожа на жеваную бумагу, а тонкие волосы казались хрупкими, словно сухие листья. Интересно, у него паранойя разыгралась или дело и впрямь такое рискованное?

– Вам грозит опасность, мистер Вэнс? – спросил Босх.

– Человеку в моем положении всегда грозит опасность, – ответил Вэнс.

Босх провел большим пальцем по твердому краю визитки.

– Вскоре я с вами свяжусь, – пообещал он.

– Мы не обсудили ваш гонорар, – заметил Вэнс.

– Мне хватит тех денег, что вы уже заплатили. Для начала. А дальше – как пойдет.

– Я заплатил лишь за эту встречу.

– Что ж, она состоялась. И этого более чем достаточно, мистер Вэнс. Ничего, если я выйду самостоятельно? Или сработает сигнализация?

– Как только вы покинете комнату, об этом станет известно. Вас тут же встретят.

Босх сделал удивленное лицо, и Вэнс пояснил:

– Это единственная комната без видеонаблюдения. Камеры стоят даже у меня в спальне. Но здесь я сумел отстоять право на уединение. Как только вы выйдете в коридор, вас встретят.

– Понимаю, – кивнул Босх. – Что ж, скоро я с вами свяжусь.

Он вышел в коридор. Почти сразу к нему подошел мужчина в костюме, молча вывел его из дома и проводил к машине.

Глава 4

Работая с нераскрытыми делами, Босх мастерски овладел искусством путешествия во времени. Он умел нырнуть в прошлое и найти в нем нужного человека. Возвращение в 1951 год обещало стать самым долгим и, пожалуй, труднейшим из его путешествий, но Босх верил, что у него все получится. Чем сложнее загадка, тем радостнее будет ее разгадать.

Для начала нужно было выяснить дату рождения Вибианы Дуарте, и Босх решил, что знает, как это сделать. После встречи с Вэнсом, вместо того чтобы отправиться домой, он свернул на шоссе 210, идущее по северной границе Вэлли, и направился в сторону Сан-Фернандо.

Занимавший чуть больше двух квадратных миль, Сан-Фернандо был отдельным городом на территории Большого Лос-Анджелеса. Сотню лет назад все населенные пункты долины Сан-Фернандо вошли в состав мегаполиса, и ровно по одной причине: чтобы недавно построенный лос-анджелесский акведук уберег богатые сельскохозяйственные угодья от засухи и вымирания. Границы города стали сдвигаться на север, и в итоге Лос-Анджелес занял всю территорию Вэлли – вернее, почти всю, за исключением тетки этой долины, города Сан-Фернандо. Этот городок не нуждался в лос-анджелесской воде, довольствуясь собственными подземными запасами. Оказавшись посреди огромного мегаполиса, Сан-Фернандо сохранил свою независимость.

Так было и сто лет спустя. Сельскохозяйственные угодья Вэлли давно сменились душевной городской застройкой, но Сан-Фернандо сберег свою старомодную оригинальность. Разумеется, проблемы агломерации, включая рост преступности, не обошли его стороной, но управление полиции этого крошечного городка держало ситуацию под контролем.

А потом случился мировой кризис 2008 года. Экономика пошла на спад, и через несколько лет цунами финансового краха докатилось до Сан-Фернандо. Бюджет сократили, а потом вновь урезали. В 2010 году под началом шефа полиции Энтони Вальдеса было сорок полицейских, включая его самого. В 2016 году их оставалось тридцать. Детективов было пятеро, а стало двое: один занимался имущественными преступлениями, а другой – преступлениями против личности. Шеф полиции с горечью смотрел, как растет кипа нераскрытых дел. По некоторым из них даже не проводилось надлежащего расследования.

Вальдес родился и вырос в Сан-Фернандо, но полицейскую школу прошел в Управлении полиции Лос-Анджелеса. Отработав двадцать лет и дослужившись до капитана, он ушел на пенсию, после чего возглавил полицию родного городка. Сохранив тесные связи с управлением полиции мегаполиса, Вальдес решил бюджетный кризис за счет резервистов: полицейских, работавших неполный день на общественных началах.

Именно это нововведение свело шефа Вальдеса с Гарри Босхом. На заре карьеры Вальдес служил в Голливудском отделении, в отделе по борьбе с бандформированиями. Там он схлестнулся с лейтенантом по имени Паундс: подав внутреннюю жалобу, тот хотел добиться, чтобы Вальдеса понизили в звании или даже уволили со службы.

Уклонившись от обеих этих неприятностей, Вальдес спустя несколько месяцев узнал о происшествии в Голливудском участке: некий детектив Босх повздорил с Паундсом и швырнул его в стену из зеркального стекла. Вальдес навсегда запомнил имя этого детектива. Много лет спустя, узнав из газет, что отставной полицейский Гарри Босх судится с Управлением полиции Лос-Анджелеса за незаконное увольнение, Вальдес решил сделать телефонный звонок.

Вместо денег он предложил Босху нечто большее: жетон детектива и доступ к нераскрытым делам крошечного городка. Взамен же Управление выдвигало всего лишь три требования к резервистам: курс подготовки блюстителя закона в соответствии с государственным стандартом, ежемесячная сдача норматива по стрельбе и как минимум две смены в месяц.

Босх, не задумываясь, принял это предложение. Лос-анджелесское управление избавилось от него за ненадобностью, но полиция крошечного Сан-Фернандо определенно нуждалась в его помощи. Здесь хватало работы и жертв, жаждущих правосудия, так что Босх сказал «да» во время первого же разговора с Вальдесом. Он увидел шанс продолжить дело своей жизни, и никакой зарплаты для этого не требовалось.

Нормативы он сдал без труда, а некоторые даже с запасом. Две смены в месяц? Как правило, он отработывал в сыскном отделе две смены в неделю. Приходил туда так часто, что ему выделили отдельную секцию, опустевшую после сокращения бюджета.

В основном Босх работал у себя за столом или же в старой городской тюрьме через дорогу от полицейского участка: ее камеры были переоборудованы в складские помещения. В бывшем вытрезвителе в три ряда стояли стеллажи, забитые папками с нераскрытыми делами за последние несколько десятилетий.

По закону о сроке давности преступлений – кроме убийств – абсолютное большинство этих дел никогда не будет раскрыто. Никто даже не посмотрит на старые папки. Убийств в городке было немного, но Босх педантично трудился над ними, изучая старые улики через призму новых технологий. Еще он взял себе все изнасилования, перестрелки без смертельного исхода и нападения с тяжкими телесными повреждениями, всё в пределах соответствующих сроков давности.

График был свободный. Босх сам решал, когда приходить в участок, и всегда мог отложить полицейские дела ради работы на стороне. Шеф Вальдес знал, что заполучить такого опытного детектива – настоящая удача, и никогда не попрекал Босха частными клиентами. Лишь подчеркивал, что служебные расследования не должны пересекаться с работой частного детектива. В рамках последней Гарри не имел права пользоваться полицейским жетоном и называть себя сотрудником полиции Сан-Фернандо. За такое полагалось немедленное увольнение.

Глава 5

Убийцы не знают никаких границ, в том числе и городских. Как правило, дела Сан-Фернандо приводили Босха на территорию Управления полиции Лос-Анджелеса – чего и следовало ожидать. Сан-Фернандо граничил с зонами покрытия двух крупных городских отделений: Мишн-Хиллз на западе и Футхилла на востоке. За четыре месяца Босх раскрыл два убийства, совершенные во время столкновений между бандами, сумев связать оружие преступников с убийствами в Лос-Анджелесе. Оба бандита уже сидели в тюрьме. Третье преступление он связал с парой подозреваемых, которых разыскивало Управление мегаполиса, и тоже за убийство.

Кроме того, по характерному почерку и образцам ДНК Босх выяснил, что в четырех изнасилованиях, совершенных в Сан-Фернандо за последние четыре года, виновен один и тот же человек. Теперь Гарри проверял, не было ли подобных преступлений в Лос-Анджелесе.

На шоссе 210 – особенно в разгар дня, когда машин немного, – легко проверить, нет ли за тобой «хвоста». Босх, то превышая скорость на пятнадцать миль в час, то сбрасывая ее на пять миль ниже ограничения, поглядывал в зеркало заднего вида: не повторяет ли кто такой же трюк. Он не знал, насколько серьезно следует отнестись к опасениям Уитни Вэнса насчет конфиденциальности, но никогда не помешает знать, что за тобой следят. Однако слежки Босх не заметил. Он, конечно, понимал, что в поместье на «чероки» могли поставить трекер джипи-эс. Или же это сделали днем раньше, пока Босх встречался с Крейтоном в башне Банка США. Нужно будет проверить машину на предмет «жучков».

Через пятнадцать минут он миновал верхнюю точку Вэлли и вновь оказался в Лос-Анджелесе. Доехав до конца Маклей-стрит, свернул на Первую улицу Сан-Фернандо. Управление полиции располагалось в одноэтажном здании с белыми оштукатуренными стенами и красной черепичной крышей. Городок на девять десятых населяли латиноамериканцы, и все муниципальные строения были оформлены в мексиканском стиле.

Оставив машину на служебной парковке, Босх достал электронный ключ и вошел в участок через боковую дверь. В приемной сидели двое копов. Кивнув им из-за стекла, Босх направился в дальний конец коридора, к сыскному отделу. Путь его лежал мимо кабинета Вальдеса.

– Гарри?

Остановившись, Босх заглянул к шефу. Вальдес, не вставая из-за стола, подал ему знак войти.

Кабинет был не такой просторный, как у начальника лос-анджелесского управления, но вполне уютный и с уголком для неформальных бесед. С потолка свисал черно-белый игрушечный вертолет с надписью на фюзеляже: «УПСФ» – Управление полиции Сан-Фернандо. Когда Босх оказался здесь впервые, Вальдес объяснил, что это единственный вертолет в управлении: шутливая отсылка к тому факту, что у полиции Сан-Фернандо нет собственной «птички». При необходимости Вальдес вынужден был обращаться за воздушной поддержкой к УПЛА – Управлению полиции Лос-Анджелеса.

– Как дела? – спросил Вальдес.

– Не жалуюсь, – сказал Босх.

– Сами знаете, мы высоко вас ценим. Есть подвижки по Москиту? – Вальдес говорил о насильнике, делом которого занимался Босх.

– Сейчас проверю, не ответил ли кто на электронные письма. А потом мы с Беллой подумаем, как быть дальше.

– Прежде чем одобрить бюджет, я ознакомился с отчетом профайлера¹. Занятное чтиво. Нужно поймать гада.

¹ Профайлер – эксперт по выявлению лжи на основе мимики, жестов человека и его манеры говорить.

- Над тем и работаю.
- Ну, в таком случае не буду задерживать.
- Спасибо, шеф.

Взглянув на вертолет, Босх вышел из кабинета, сделал еще несколько шагов по коридору и оказался в сыскном отделе. Помещение было тесным – по стандартам лос-анджелесского управления, да и любым другим. В свое время отдел занимал две комнаты, но позже одну отдали окружному коронеру под кабинет для двоих следователей. Теперь все три секции для детективов теснились в одной комнате, рядом с офисом начальника отдела – офис был размером с туалетную кабинку.

Секция Босха была скрыта от посторонних глаз тремя пятифутовыми перегородками, но четвертая сторона выходила на дверь начальника. Должность была лейтенантская, но, когда бюджет урезали, функции начальника сыскного отдела стал выполнять единственный капитан УПСФ. Его звали Тревино. Он до сих пор считал, что допускать Босха до дел Сан-Фернандо – не самая лучшая мысль, и следил за каждым его шагом. Похоже, что люди, готовые вкалывать бесплатно, не вызывали у него доверия. К счастью, как это обычно бывает в небольших полицейских управлениях, Тревино занимал сразу несколько должностей: числился начальником сыскного отдела и присматривал за внутренними делами участка. В его ведении была диспетчерская, тир и тюрьма на шестнадцать коек, заменившая ту старинную, что стояла через дорогу. Посему он нередко отлучался, и Босх мог вздохнуть с облегчением.

Заглянув в отделение для писем, Босх обнаружил бумажку, в которой говорилось, что ему давно пора явиться на стрельбище. Забрал ее, подошел к своей секции и сел за стол.

По пути он заметил, что дверь Тревино закрыта, а за стеклом кабинета темно. Должно быть, капитан занимался своими делами в другой части здания. Гарри понимал, почему начальник относится к нему с холодным подозрением: любой успех Босха можно было рассматривать как неудачу Тревино. В конце концов, это он заведовал сыскным отделом. И прекрасно знал, что однажды, еще в Лос-Анджелесе, Гарри швырнул своего начальника в зеркальное стекло.

Однако Босх получил место в отделе по решению Вальдеса, и Тревино вынужден был мириться с этим.

Босх включил компьютер и дождался, пока загрузится операционка. Он пришел на работу впервые за четыре дня. Заметив на столе приглашение на вечеринку в боулинг-клубе, Босх скомкал его и бросил в мусорную корзину. Новые коллеги ему нравились, но к боулингу он был равнодушен.

Отомкнув ящик стола, разделенный на секции по алфавиту, он вытащил несколько папок с открытыми делами, над которыми работал, и разложил их на столе – так, чтобы со стороны казалось, будто он занят вопросами УПСФ. Потянувшись за папкой Москита, Босх обнаружил, что ее нет на месте. Раньше она стояла в секции «М», теперь же оказалась в другой – в соответствии с именем первой жертвы. Это был неприятный и тревожный знак. Босх знал, что не мог ошибиться с секцией. С первых дней службы он педантично расставлял все папки по своим местам. Папка – будь то всесторонний рапорт о жертве убийства или комплект иных документов – всегда является сердцем расследования. Ее необходимо держать в порядке и ставить на место.

Выложив папку, он подумал, что у кого-то есть второй ключ от стола. Этот кто-то копается в его документах и проверяет, чем он занят. Босх решил, что знает, чьих это рук дело. Сдержав вспышку раздражения, он убрал папки в ящик стола, задвинул его и закрыл на ключ. У него уже был план, как вывести безобразника на чистую воду.

Выпрямившись, он глянул поверх перегородок. Остальных детективов не было на месте – ни Беллы Лурдес из ППЛ, ни Дэнни Систо из имущественных преступлений. Должно быть, выехали в город собирать информацию по недавним происшествиям. Белла и Дэнни зачастую работали в паре.

Босх вошел в сеть управления, открыл базы данных, достал блокнот и приступил к поискам Вибианы Дуарте, прекрасно понимая, что тем самым нарушает единственное правило, установленное шефом полиции: злоупотребляет служебным положением ради интересов частного клиента. За это полагалось увольнение и даже уголовное преследование: в Калифорнии запрещено пользоваться полицейскими базами данных в личных целях. Если Тревино решит проверить, чем Босх занимается за служебным компьютером, проблем не оберешься. Но Босх надеялся, что до этого дело не дойдет. Тревино понимал: любые его нападки на Босха шеф примет на собственный счет. И все, конец капитанской карьере.

Поиски Вибианы Дуарте оказались недолгими. У нее не было ни калифорнийских водительских прав, ни отметок о совершенном преступлении, ни даже штрафа за парковку в неподобающем месте. Разумеется, ранние записи в базе были весьма скудными, но по опыту Босх знал, что любой человек где-нибудь да засветится. Не исключено, что Дуарте и впрямь была нелегалкой и в 1950 году, забеременев, вернулась в Мексику. Пересекла границу, чтобы родить ребенка или избавиться от него в одной из подпольных клиник Тихуаны. В те времена аборт в Калифорнии были запрещены.

Босх знал об этом, потому что сам родился в 1950 году. Поступив на службу в полицию, он проверил тогдашний свод законов, чтобы лучше понимать, перед каким выбором оказалась его незамужняя мать.

Однако Босх не был знаком с калифорнийским Уголовным кодексом 1950 года. Открыв нужный файл, он просмотрел раздел половых преступлений и быстро нашел статью 261: половой акт с девушкой, не достигшей восемнадцати лет, считался изнасилованием и, следовательно, уголовным преступлением – независимо от согласия девушки, если только она не была супругой подозреваемого.

Отец Вэнса считал, что Дуарте забеременела нарочно: хотела выйти замуж, разбогатеть и получить американское гражданство. Если он был прав, Уголовный кодекс гарантировал девушке неплохой куш. Но поскольку в калифорнийской базе данных не было записей о Дуарте, вывод напрашивался лишь один: вместо того чтобы пробиться к семейной кормушке Вэнсов, девушка исчезла. Вероятно, вернулась в Мексику.

Переключившись на окно базы транспортных средств, Босх ввел имя, которое назвал ему Вэнс: «Джеймс Франклин Олдридж».

Прежде чем на экране появились результаты поиска, в отдел вошел капитан Тревино со стаканчиком кофе из «Старбакса». Это кафе находилось в нескольких кварталах от участка, на Трумэн-стрит. Иной раз Босх и сам отрывался от компьютера и ходил туда, чтобы дать отдых глазам и побаловать себя чашкой латте со льдом. Он пристрастился к этому напитку совсем недавно, когда стал регулярно встречаться с дочерью в кофейнях возле студенческого городка.

– Гарри, каким ветром тебя занесло? – спросил Тревино.

Капитан всегда сердечно приветствовал Босха, обращаясь к нему по имени и на «ты».

– Был рядом, – ответил Босх. – Решил проверить электронную почту и разослать новые предупреждения по Москиту.

С этими словами он свернул окно базы транспортных средств и переключился на аккаунт электронной почты, закрепленный за ним в управлении. Тревино подошел к двери кабинета и щелкнул замком. Босх не оборачивался. Он слышал, как открылась дверь, но чувствовал, что Тревино по-прежнему стоит у него за спиной.

– Рядом? – спросил капитан. – В такой дали от дома? Да еще в костюме?

– Сегодня у меня была встреча в Пасадене. Назад поехал через Футхилл, – сказал Босх. – Заскочил отправить пару писем, а потом поеду себе дальше.

– Твоего имени нет на доске. Нужно записаться, чтобы я посчитал время.

– Да я так, на пару минут. Считать необязательно. На той неделе я уже отработал двадцать четыре часа.

У входа в сыскной отдел висела доска для учета рабочего времени. Босху было велено записывать на ней точное время прихода и ухода, чтобы Тревино мог заполнить табель и убедиться, что Гарри отработал необходимый минимум.

– Ну, все равно запишись. Когда пришел, когда ушел, – произнес Тревино.

– Будет сделано, кэп, – сказал Босх.

– Вот и славно.

– Кстати... – Нагнувшись, Босх постучал костяшками пальцев по ящику стола. – Ключ забыл. У вас нет запасного? Надо бы взглянуть на папки.

– Нет, запасного нет. Гарсия сдал единственный. Сказал, что и у Доквейлера запасного не было.

До Босха в этой секции работал детектив по фамилии Гарсия. Он в свою очередь унаследовал стол от Курта Доквейлера. Оба пали жертвами бюджетного дефицита. Из разговоров Босх узнал, что после сокращения и Гарсия, и Доквейлер бросили карьеру в силовых структурах. Гарсия устроился учителем в школу, а Доквейлер, чтобы сохранить зарплату и выслугу лет, перевелся в департамент общественных работ, на вакансию в отделе надзора за городским хозяйством.

– У кого бы еще спросить? – озадачился Босх.

– Чего не знаю, того не знаю, – ответил Тревино. – А ты доставай свои отмычки, Гарри. Говорят, ты мастер орудовать ими.

Это прозвучало так, словно Гарри водил дружбу с темными силами и те научили его взламывать замки.

– Угу, почему бы и нет, – сказал Босх. – Спасибо за подсказку.

Тревино скрылся у себя в кабинете. Услышав, как закрылась дверь, Босх поставил мысленную зарубку: насчет пропавшего ключа нужно поговорить с Доквейлером. Убедиться, что бывший детектив не оставил его себе, а потом уже доказывать, что Тревино тайком шарит у него в столе.

Босх вновь открыл базу транспортных средств и набрал в поисковой строке имя Олдриджа. Вскоре он узнал, что у человека с таким именем действительно были калифорнийские водительские права: выданы в 1948 году, а сданы в 2002-м, в связи с переездом во Флориду. Записав дату рождения Олдриджа, Босх запустил поиск по базе данных Флориды. Оказалось, Олдридж окончательно сдал права в возрасте восьмидесяти лет. В базе было указано место жительства: местечко под названием Виллиджес.

Записав эту информацию, Босх вбил адрес в поисковик. Виллиджес оказался огромным поселением для пенсионеров в округе Самтер. Походив по ссылкам, Босх нашел нынешний адрес Олдриджа, но не увидел ни сообщения о смерти, ни некролога. Похоже, Джеймс Франклин Олдридж был еще жив, а права сдал потому, что уже не мог – или не хотел – водить машину.

Босху было любопытно, по какой причине Олдриджа отчислили из Университета Южной Калифорнии. Он ввел это имя в базу преступлений, указав в качестве дополнительного критерия проступки, за которые полагалось увольнение со службы или исключение из учебного заведения. За Олдриджем числилась единственная запись, датированная 1986 годом: вождение в нетрезвом виде. О происшествии в университете не было ни слова.

Ну что ж, Босх хотя бы проверил имя, предоставленное Вэнсом для легенды. Пришло время проверить почту – вдруг кто ответил на письма по Москиту. Это расследование было самым долгим за все время работы Босха в Сан-Фернандо. В полиции Лос-Анджелеса он вел несколько дел о серийных убийцах. Почти в каждом из них – если не во всех без исключения – была сексуальная подоплека, так что у Босха имелся богатый опыт работы с подобными преступлениями. Однако дело Москита оказалось одним из самых запутанных в его карьере.

Глава 6

«Москит». Такое название дали делу о серийном насильнике, которое Босх раскопал в залежах УПСФ. Просматривая папки в старой городской тюрьме, он наткнулся на четыре нераскрытых изнасилования. Первое произошло в 2012 году. Во всех четырех случаях преступник действовал почти одинаково, но до Босха никто этого не заметил.

В поведении насильника прослеживались пять характерных черт. Взятые поодиночке, они были вполне заурядными, но в совокупности наводили на мысль, что все четыре преступления совершил один и тот же злоумышленник. В каждом случае насильник проникал в жилище жертвы через черный ход или окно, не снимая москитной сетки, но разрезая ее. Все четыре изнасилования были совершены в период с одиннадцати до тринадцати часов дня. Вместо того чтобы приказать жертвам раздеться, насильник разрезал их одежду ножом. В каждом случае на преступнике была маска: в первых двух – лыжная, в третьем – хеллоуинская маска Фредди Крюгера, а в последнем – традиционная маска рестлера из мексиканской борьбы луча либре. Вдобавок ко всему, насильник не пользовался презервативом и не прибежал ни к каким уловкам, чтобы не оставить на месте преступления своей ДНК.

Заметив схожие черты, Босх сосредоточился на этих эпизодах и вскоре узнал, что в трех случаях из четырех медики взяли образцы спермы насильника, но исследовали ее лишь однажды, в лаборатории шерифа округа Лос-Анджелес. Результаты исследования пробили по базам данных штата и США, но совпадений не обнаружили. В последних двух случаях анализ затянулся, ибо в лаборатории округа накопилось слишком много необработанных проб. В четвертом – строго говоря, первом из четырех – образец пытались взять, но безуспешно. Вагинальный мазок ничего не дал, ибо жертва, прежде чем вызвать полицию, подмылась и приняла душ.

Окружная лаборатория находилась в том же здании Университета штата Калифорния, что и лаборатория УПЛА. Со времен работы над нераскрытыми делами у Босха остались там связи, и он договорился, чтобы анализ провели как можно быстрее. В ожидании результатов, которые – хотелось бы надеяться – должны были показать, что все четыре изнасилования совершил один и тот же человек, Босх приступил к опросу жертв. Трех из них было от двадцати до тридцати лет, последней же недавно исполнилось восемнадцать. Все они дали согласие на повторную беседу с детективами. В двух случаях Босх вынужден был подключить к делу Беллу Лурдес, ибо жертвы предпочли говорить по-испански. Пожалуй, единственной сложностью для Босха в Сан-Фернандо был языковой барьер. В городке по большей части жили латиноамериканцы, и зачастую они неважно говорили по-английски. Босх сносно знал испанский, но для беседы с жертвой преступления, когда мельчайшие подробности могли оказаться наиболее важными, нужна была помощь Лурдес: у нее испанский был родным.

На каждую встречу Босх приходил с девятистраничным опросником. Такими же пользовались следователи УПЛА, работающие с насильственными преступлениями. У всех вопросов была единственная цель: выявить привычки жертвы, способные привлечь внимание преступника. Опросник был весьма полезен для работы с серийными преступлениями, особенно при составлении психологического портрета злоумышленника. Свой экземпляр Босх выпросил у приятеля – детектива Голливудского отделения, работавшего с изнасилованиями.

Формальной целью бесед было заполнение опросника, но Босх выслушал и рассказы жертв, жуткие и вместе с тем печальные. Все четыре женщины не были знакомы с насильником. Они до сих пор не могли оправиться от пережитого ужаса и физических последствий надругательства, хотя первое преступление было совершено целых четыре года назад. Все они потеряли уверенность в завтрашнем дне и жили в постоянном страхе, опасаясь, что насильник вернется. Одна из женщин в прошлом была замужем и пыталась зачать ребенка. После

изнасилования брак дал трещину, и, когда Босх разговаривал с потерпевшей, они с мужем уже подали на развод.

После каждой встречи Босх долго не мог прийти в себя. Все думал о своей единственной дочери и представлял, какой шрам остался бы у нее в душе после подобного нападения. Не проходило и часа после встречи с жертвой Москита, как Босх звонил Мэдди и спрашивал, все ли в порядке, не озвучивая истинных причин своего звонка.

Однако повторные беседы не напрасно бередили старые раны жертв. В деле начали всплывать новые подробности. Стало ясно, что Москита необходимо найти и арестовать, причем как можно скорее.

Босх и Лурдес обычно начинали разговор с заверения, что дело до сих пор расследуют и в полиции оно по-прежнему имеет приоритетный статус.

Действовать решили в хронологическом порядке. Для начала поговорили с первой жертвой – той, с кого не сняли образцов ДНК. В первоначальном рапорте было указано, что женщина приняла душ и подмылась сразу после изнасилования, поскольку боялась забеременеть. В то время они с мужем пытались зачать ребенка, и преступник напал на нее в период максимальной фертильности, в середине месячного цикла.

С момента преступления прошло четыре года. Женщина еще не полностью оправилась от психологической травмы, но научилась жить с ней и общалась весьма открыто, хоть речь и шла о тяжелейшем моменте в ее жизни.

Она подробно описала нападение. Рассказала, как пыталась отговорить преступника от изнасилования, солгав, что у нее месячные. По ее словам, тот ответил: «Нет у тебя никаких месячных. Сегодня твой муж вернется пораньше и заделает тебе ребенка».

Эта информация была новой, и детективы попросили остановиться на ней подробнее. Женщина подтвердила: в тот день ее муж, который работал в банке, действительно должен был вернуться пораньше, чтобы устроить романтический вечер в надежде, что тот завершится зачатием. Но как Москит об этом узнал?

Отвечая на вопросы Лурдес, потерпевшая сказала, что у нее на смартфоне было приложение для отслеживания месячного цикла. В нем высвечивался день, наиболее подходящий для зачатия ребенка. Обычно женщина помечала эту дату в календаре на дверце холодильника – рисовала рядом с ней пурпурные сердечки и писала фразы вроде «Время деток!», чтобы муж не забыл, какой сегодня день.

В день нападения женщина выходила из дома лишь на пятнадцать минут, чтобы выгулять собаку. Телефон был при ней. Москит тем временем пробрался в дом и поджидал жертву, когда та вернулась. Угрожая ножом, заставил запереть собаку в ванной, после чего отвел женщину в спальню и изнасиловал.

Босх все думал, как Москиту хватило пятнадцати минут, чтобы забраться в дом, заметить календарь на холодильнике и сделать соответствующие выводы – столь верные, что преступник даже не ошибся насчет намерений мужа потерпевшей.

Он обсудил этот вопрос с Лурдес. Оба пришли к выводу, что насильник уже бывал в доме жертвы. Возможно, следил за ней. Не исключено, что был другом семьи или родственником. Или, к примеру, водопроводчиком, или же заходил по какому-то другому делу.

Рассказы остальных женщин подтвердили эту версию. В деле появилась еще одна жутковатая подробность, а к «модус операнди» Москита добавился очередной зловещий штрих. В каждом доме были визуальные указания на текущий период менструального цикла жертвы. Во всех четырех случаях женщин изнасиловали в день наивысшей фертильности.

Вторая и третья жертвы сообщили, что пользовались противозачаточными пилюлями в листах с цветовой кодировкой. Одна держала таблетки в аптечке, другая – в тумбочке у кровати. По цвету таблеток, корректирующих месячный цикл, можно было узнать, когда настанут те самые пять-семь дней максимальной фертильности.

Последнюю жертву Москит изнасиловал в феврале прошлого года. На тот момент ей было шестнадцать лет, в школе начались каникулы, и она была дома одна. Девушка сообщила, что в четырнадцать лет у нее диагностировали ювенильный диабет, а потребность организма в инсулине менялась в соответствии с месячным циклом. На дверь спальни девушка повесила специальный календарь, чтобы они с матерью не ошиблись с дозировкой препарата.

Здесь прослеживалась явная закономерность: каждую жертву изнасиловали в период овуляции. Четыре случая из четырех. Совпадение? Босх и Лурдес решили, что вряд ли. Скорее, штрих к психологическому портрету злодея. Очевидно, насильник всякий раз тщательно выбирал день для нападения. В доме каждой жертвы была информация о месячном цикле, но ее необходимо было узнать заранее. Значит, преступник следил за женщинами и, по всей видимости, уже бывал у них дома.

К тому же по описанию ясно было, что он не латиноамериканец. Две женщины, не говорившие по-английски, сообщили, что насильник отдавал им приказания по-испански, но этот язык был для него неродной.

Короче говоря, в четырех преступлениях было много общего. Возник серьезный вопрос: почему эти изнасилования до сих пор не объединили в одно дело и как вышло, что сходство между ними заметил только Босх – следователь, работающий на общественных началах. Ответ следовало искать в бюджетном кризисе УПСФ. Преступления были совершены, когда сыскной отдел переживал сокращение: работы у оставшихся детективов стало больше, а времени поубавилось. В итоге вышло так, что все четыре дела вели разные детективы. Когда преступник изнасиловал двух последних жертв, следователи, которые занимались первыми делами, уже не работали в управлении. Никто не заметил, что эти четыре случая нужно объединить. У сыскного отдела не было полноценного начальника. Должность лейтенанта заморозили, полномочия передали капитану Тревино, а у того хватало и других забот.

Наконец пришли результаты анализа ДНК по остальным двум случаям, когда медикам удалось взять образцы спермы. Связь между преступлениями подтвердилась. Сомнений больше не было: в крошечном Сан-Фернандо орудовал серийный насильник и за четыре года он напал на четырех жертв.

Босх, однако, считал, что этими преступлениями дело не ограничивается. В одном лишь Сан-Фернандо жило около пяти тысяч нелегальных иммигрантов – в том числе две с половиной тысячи женщин. Многие из них не рискнули бы обращаться в полицию из-за изнасилования. Кроме того, вряд ли этот хищник охотился лишь в пределах городка. У четырех выявленных жертв была схожая внешность: длинные каштановые волосы, черные глаза, изящное телосложение – все они весили не больше ста десяти фунтов – и латиноамериканские корни. В двух смежных зонах покрытия УПЛА жили преимущественно латиносы. Не исключено, что в этих районах найдутся и другие жертвы Москита.

С тех пор как Босх обнаружил связь между преступлениями, он тратил почти все рабочее время в УПСФ на разговоры со следователями из отделов краж и изнасилований в управлениях Вэлли и ближайших населенных пунктов: Бербанка, Глендейла и Пасадены. Пытался выяснить, нет ли открытых дел, в которых фигурирует маска или разрезанная москитная сетка. Пока что его усилия не увенчались успехом, но Босх знал: рано или поздно кто-то заинтересуется, поднимет бумаги, спрашивает у коллег... Что-нибудь да всплывет.

Заручившись согласием шефа, Босх связался со своей старинной подругой. В прошлом она была старшим профайлером в отделе поведенческих исследований ФБР: составляла психологические портреты преступников. Когда Босх еще служил в УПЛА, а Меган Хилл трудилась в Бюро, несколько раз им довелось поработать вместе. Теперь Хилл ушла в отставку, переехала в Нью-Йорк и преподавала судебную психологию в Колледже криминалистической юриспруденции имени Джона Джея, параллельно занимаясь профайлингом в качестве независимого консультанта. Босх выпросил у нее скидку и отправил ей данные по Москиту.

Ему необходимо было разобраться в психологии преступника и понять, зачем он насиловал этих женщин. Почему Москист, наблюдая за потенциальной жертвой, старался выяснить, когда у нее период овуляции? Если хотел, чтобы жертвы забеременели, зачем выбрал двух женщин, принимавших противозачаточные пилюли? В этой версии хватало пробелов, и Босх надеялся, что профайлер сумеет их заполнить.

Через две недели Хилл подготовила отчет. Она пришла к выводу, что преступник выбирал дни овуляции вовсе не потому, что хотел, чтобы жертвы забеременели. Совсем наоборот. Судя по особенностям подготовки к преступлениям и последующих нападений, злоумышленник питал глубокую ненависть к женщинам и сама мысль о ежемесячном кровотечении была ему отвратительна. Он выбирал такую дату, потому что считал, что на пике фертильности женщина наиболее чиста. С физиологической точки зрения для преступника этот день был самым безопасным. Составляя психологический портрет, Хилл назвала насильника самовлюбленным хищником с интеллектом выше среднего. Однако он, скорее всего, работал на должности, не требующей умственных усилий, и не привлекал лишнего внимания со стороны коллег и начальства.

К тому же нападавший был уверен, что его не смогут опознать и задержать. Его действия были тщательно спланированы и рассчитаны по времени, но он всегда оставлял на месте преступления свою сперму. Сбросив со счетов версию о желании оплодотворить женщину, Хилл пришла к выводу, что это была не ошибка, а своего рода насмешка. Предлагая Босху достаточно улики для обвинения, преступник словно говорил: «Попробуй найди меня».

Хилл также указала на мнимый парадокс: оставляя на месте веские доказательства, свою сперму, насильник совершал преступления, спрятав лицо под маской. Должно быть, женщины были знакомы с преступником или видели его раньше. Не исключено, что он планировал общаться со своими жертвами после нападения. Возможно, последующий контакт был необходим ему, чтобы в полной мере испытать удовлетворение от содеянного.

Меган Хилл завершила психологический портрет зловещей фразой: «Если отбросить предположение, что целью изнасилований было стремление создать нечто живое – оплодотворить жертву, – и учесть, что за нападениями стоит чувство ненависти, вывод становится очевиден: данный субъект еще не в полной мере переродился в хищника. Вскоре на смену изнасилованиям придут убийства. Это лишь вопрос времени».

Получив такое предупреждение, Босх и Лурдес взялись за дело с удвоенной силой. Они начали рассылать электронные письма в местные и государственные силовые структуры, предлагая к ним отчет профайлера. На местном уровне они подкрепляли письма телефонными звонками, пытаясь развеять пелену апатии – ту, что нередко окутывает следователей, перегруженных нераскрытыми делами.

Результат был почти нулевым. Детектив из отдела краж отделения Северного Голливуда сообщил, что ведет дело с разрезанной москитной сеткой, но без изнасилования. Потерпевшим был латиноамериканец двадцати шести лет. Босх попросил узнать, нет ли у него жены или подружки: та, возможно, не стала сообщать об изнасиловании из-за стыда или страха. Через неделю детектив перезвонил и сказал, что женщины в той квартире не живут. Значит, действовал не Москист, а кто-то другой.

Началась игра на выживание. В базах данных не было ДНК насильника. У него никогда не брали мазок. Москист не оставлял никаких улик, кроме спермы: ни отпечатков пальцев, ничего. Босх не нашел похожих преступлений ни в Сан-Фернандо, ни где-либо еще. Встал вопрос: не пора ли предать дело огласке и попросить помощи у граждан? Вальдес, однако, не спешил на него отвечать. То была извечная полицейская дилемма. Да, ты можешь ухватиться за ниточку, ведущую к раскрытию дела. А можешь спугнуть хищника, после чего тот сменит поведенческий шаблон или переедет в другое место, где станет терроризировать ничего не подозревающих людей.

Здесь взгляды Босха и Лурдес разошлись. Лурдес хотела обнародовать информацию – хотя бы для того, чтобы изгнать насильника из Сан-Фернандо. Босх же намеревался продолжать поиски без лишней шумихи. Даже если преступник уедет из города, число жертв продолжит расти. Хищник охотится, пока его не поймают. Подстраивается под обстоятельства и, подобно акуле, атакует следующую жертву. Босху не хотелось перекладывать это бремя на плечи других людей. Он считал, что обязан поймать зверя в его нынешнем ареале обитания.

Разумеется, однозначного ответа на этот вопрос не было. Шеф выжидал, надеясь, что Босх раскроет дело, прежде чем Москит нападет на следующую жертву. Босх же был рад, что ему не приходится принимать неудобное решение. В конце концов, это была работа Вальдеса, и он – в отличие от Босха – получал за нее солидное жалованье.

Проверив почту, Босх не увидел новых писем со словом «Москит» в заголовке и, разочарованно вздохнув, выключил компьютер. Сунул записную книжку в карман и задумался, не заглянул ли в нее Тревино, когда стоял у Босха за спиной. Книжка была открыта на странице с надписью «Джеймс Франклин Олдридж».

Не потрудившись сказать «до свидания» капитану или записать время на доске, Босх вышел из сыскного отдела.

Глава 7

Отъехав от участка, Босх свернул на шоссе 5 и вновь задумался о деле Уитни Вэнса. И так, в базе транспортных средств не нашлось никакой информации о Вибиане Дуарте. Это неприятно, но не смертельно. Теперь путь Босха лежал в Норуолк, к золотой жиле путешественников во времени: Департаменту общественного здравоохранения округа Лос-Анджелес. Работая над нераскрытыми делами, он провел столько времени в отделе записей актов гражданского состояния, что до сих пор помнил, какой кофе предпочитают тамошние дамочки. Босх не сомневался: в тамошних архивах что-нибудь да найдется.

Он зарядил в медиаплеер джипа компакт-диск с записью молодого трубача по имени Кристиан Скотт. Первый трек под названием «Litany Against Fear» был драйвовый, напористый, и Босх подумал: «Именно то, что мне сейчас нужно». Через час черепашьего хода по западной границе Даунтауна он оказался в Норуолке. Остановившись на парковке перед семиэтажным муниципальным зданием, Босх заглушил мотор, когда Скотт исполнял композицию «Naima», – она звучала даже лучше, чем классическая трактовка Джона Хэнди, записанная полвека назад.

Когда Босх выходил из машины, чирикнул смартфон. Взглянув на экран, Босх увидел надпись: «Номер не определен», но все равно ответил на звонок. И ни капли не удивился, когда услышал голос Джона Крейтона.

– Ну что, были у мистера Вэнса? – спросил Крейтон.

– Был, – ответил Босх.

– Как все прошло?

– Все прошло замечательно.

Босх не собирался ничего рассказывать. Пусть Крейтон сам разбирается, что к чему. Со стороны такое поведение могло показаться пассивно-агрессивным, но желание клиента – закон.

– Мы можем чем-нибудь помочь?

– Пожалуй, нет. Думаю, справлюсь сам. Мистер Вэнс хочет сохранить все в секрете. Пусть так и будет.

После долгой паузы Крейтон заговорил снова:

– Гарри, мы с вами давно знакомы. Еще со времен работы в УПЛА. Разумеется, мы с мистером Вэнсом тоже знаем друг друга не первый год. Вчера, прежде чем нанять вас, я сказал, что мистер Вэнс – важный клиент нашей фирмы, и если его что-то беспокоит, мне нужно об этом знать. Тем более, если ему что-то грозит. Я надеялся, что бывший брат по оружию поделится со мной своими соображениями. Мистер Вэнс стар, и мне не хотелось бы, чтобы кто-то использовал его в своих интересах.

– Использовал в своих интересах? Вы говорите обо мне? – спросил Босх.

– Ну конечно же нет, Гарри. Плохо подобрал слова. Я лишь хотел сказать, что если у старика деньги вымогают или у него появились любые другие проблемы, требующие вмешательства частного детектива, – мы всегда рядом, и у нас практически неограниченные возможности. Мы должны быть в курсе дела.

Босх кивнул. Еще в кабинете у Крейтона он понял, какую карту тот будет разыгрывать.

– Что ж, – произнес он, – вот что я вам скажу. Во-первых, вы меня не нанимали. Вы посредник. Вы передали мне деньги. Меня нанял мистер Вэнс, и я работаю только на него. Мистер Вэнс однозначно изложил свои требования и даже велел мне подписать юридический документ, в котором говорится, что я согласен следовать указаниям моего нанимателя. Я не стану никому рассказывать о том, чем я занимаюсь и с какой целью это делаю. Никому, и вам в том числе. Если хотите, чтобы я нарушил договоренность с клиентом, мне придется позвонить мистеру Вэнсу и спросить у него разре...

– В этом нет необходимости, – тут же перебил его Крейтон. – Раз мистеру Вэнсу так угодно, все в порядке. Просто знайте: мы всегда рядом. Если нужна будет помощь, обращайтесь.

– Непременно, – сказал Босх с фальшивым восторгом в голосе. – Если понадобится, я позвоню, Джон. Спасибо, что напомнили о себе.

Не дожидаясь ответной реплики Крейтона, он завершил звонок и направился к огромному прямоугольному зданию, в котором хранились записи обо всех, кто родился, умер, сочетался браком или развелся в округе Лос-Анджелес. Это здание всегда напоминало Босху гигантский сундук с сокровищами. Главное, знать, где искать, – или дружить с кем-нибудь, кто знает. На крайний случай можно обратиться к предприимчивым ребятам на крыльце: за несколько долларов те всегда готовы показать непосвященным, как правильно заполнить формуляр запроса. У некоторых формуляры уже в портфелях. Эти пройдохи никогда не прочь нажать на страхе наивных людей перед жерновами государственной бюрократии.

Босх взбежал по ступенькам, не обращая внимания на попытки продать ему вымышленное название фирмы или поддельное свидетельство о браке. Вошел в здание, миновал справочное бюро и направился к лестнице. По опыту он знал, что ожидание лифта может уморить здесь кого угодно, поэтому пешком спустился на цокольный этаж – туда, где находился отдел записи актов гражданского состояния.

Толкнув стеклянную дверь, он услышал приветственный возглас. Из-за стола – одного из многих, стоявших у стены по ту сторону стойки для посетителей, – улыбаясь до ушей, вскочила азиатка по имени Флора. Она всегда охотно помогала Босху, когда тот служил в УПЛА.

– Гарри Босх! – воскликнула она.

– Флора! – отозвался он.

В стойке было отдельное окошко для полицейских – их всегда принимали без очереди – и еще два для гражданских лиц. У одного из них, опустив глаза на ксерокопии документов, стоял мужчина. Босх подошел ко второму. Флора уже заняла место у полицейского окошка.

– Нет, тебе сюда, – велела она.

Босх послушался, перегнулся через стойку и неуклюже заключил Флору в объятия.

– Так и знала, что ты появишься, – сказала она.

– Ну, деваться-то некуда, – посетовал Босх. – Но я здесь как гражданское лицо. Не хочу, чтобы у тебя были проблемы.

Он, конечно, мог достать жетон, выданный в Управлении полиции Сан-Фернандо, но не хотел, чтобы об этом стало известно Вальдесу или Тревино. Зачем нарываться на неприятности? Поэтому Босх сделал шаг к гражданскому окошку, решив не смешивать личные дела с полицейскими.

– Да ну, проблемы! – фыркнула Флора. – Тебе можно.

Чтобы покончить с пререканиями, Босх вернулся к окошку для полицейских.

– Но дело у меня небыстрое, – предупредил он. – Информации мало, и нырять придется глубоко.

– Посмотрим. Что ищешь?

Общаясь с Флорой, Босх всегда чувствовал: еще чуть-чуть, и он начнет изрекать такие же скупые рубленые фразы, как она. В прошлом он не раз ловил себя на такой реакции, но сегодня надеялся совладать с этим естественным порывом.

Достав блокнот, он просмотрел даты, записанные в кабинете у Вэнса.

– Ищу запись о рождении, – сказал он, не поднимая глаз. – Тысяча девятьсот тридцать третий год. Или тридцать четвертый. Есть что-нибудь из тех времен?

– В базе нет, – ответила Флора. – И твердых копий больше нет. Только пленка. Покажи имя.

В семидесятых архивы перевели на микроплёнку, но так и не ввели в компьютерную базу данных. Босх развернул блокнот, чтобы Флора могла прочесть имя Вибианы Дуарте. Необычная фамилия: не то что «Гарсия» или «Фернандес». Имя, скорее всего, тоже редкое. Босх надеялся, что это сыграет ему на руку.

– Старая, – заметила Флора. – Смерть тоже надо?

– Да. Но я понятия не имею, когда она умерла. Если вообще умерла. Знаю лишь одно: в июне пятидесятого года она точно была жива.

Флора демонстративно нахмурилась:

– Ох... Ясно, Гарри.

– Спасибо, Флора. Где Паула? Еще здесь?

Во время частых набегов на цокольный этаж Босх – тогда еще детектив Босх, – кроме Флоры, общался еще и с Паулой. Ключ к любому нераскрытому делу, его основа – это поиски свидетелей и родственников жертвы. Первым делом нужно оповестить семью, что дело открыто вновь. Но в папках жертв почти никогда не было новой информации о родне: кто умер, кто женился, кто переехал в другой город. Посему наиболее яркие прозрения нисходили на детектива Босха в архивах и библиотеках.

– Сегодня нет, – ответила Флора. – Только я. Все запишу, а ты попей кофе. Это надолго. – И Флора записала все, что нужно.

– А ты, Флора? Кофе будешь? – спросил Босх.

– Нет, – ответила она. – Ты попей, пока ждешь.

– Пожалуй, обойдусь. Утром уже напился. Побуду здесь. Мне есть чем заняться.

Чтобы добавить веса своим словам, он достал телефон и показал его Флоре. Та ушла в архив, а Босх расположился на пластмассовом стуле в свободной кабинке для просмотра микроплёнок и задумался, что делать дальше. Сейчас все зависело от того, что найдет Флора. Потом Босх или отправится в собор Святой Вибианы, чтобы взглянуть на записи о крещении, или же в Даунтаун, в Центральную библиотеку, изучать телефонные справочники прошлых десятилетий.

Открыв в телефоне браузер, он ввел в строку поиска запрос «УЮК ОК». Первая же ссылка привела его на нужный сайт. На территории Университета Южной Калифорнии все еще работал кафетерий под названием «Общая кухня». Он находился в здании общежития Бирнкрафт на Тридцать четвертой улице. Босх скопировал адрес в приложение «Карты» и через секунду уже смотрел на студенческий городок к югу от Даунтауна. Вэнс сказал, что Вибиана жила в нескольких кварталах от кафетерия и ходила на работу пешком. Студгородок тянулся вдоль Фигероа-стрит и автострады Харбор. В этом районе было не много жилых улиц, откуда можно было дойти до кафетерия пешком. Босх принялся записывать названия улиц и диапазоны адресов, чтобы определиться, где жила Дуарте, когда начнет проверять старые телефонные справочники в Центральной библиотеке.

Вскоре он понял, что смотрит на карту две тысячи шестнадцатого года. Не исключено, что в пятидесятом году прошлого века там не было никакой автострады. Соответственно, район вокруг университета выглядел тогда совсем иначе. Вновь открыв поисковик, Босх запросил историю строительства автострады – диагональной «восьмерки», идущей через весь округ от Пасадены до океана. Вскоре он выяснил, что Харбор – также известная как шоссе 110 – строилась частями, в период с сороковых по пятидесятые, на заре шоссевого бума. Часть автострады к востоку от студгородка начали строить в пятьдесят втором году, а закончили в пятьдесят четвертом, то есть значительно позже того времени, когда Уитни Вэнс учился в университете и встречался с Вибианой Дуарте.

Вернувшись к карте, Босх принялся добавлять в свой перечень улицы, по которым в сорок девятом и пятидесятом годах можно было пешком дойти до северо-восточной части студгородка – туда, где находился кафетерий. Вскоре он составил список из четырнадцати улиц

с номерами домов в четырех кварталах. В библиотеке он поищет имя Дуарте и проверит, не жила ли ее семья по одному из этих адресов. В те времена в телефонный справочник вносили почти все фамилии – конечно, если у человека был домашний телефон.

Когда Босх всматривался в экранчик смартфона, проверяя, не пропустил ли каких-нибудь переулков, из недр архива вернулась Флора. В триумфально воздетой руке ее была катушка с микропленкой. Босх тут же ощутил всплеск адреналина. Флора нашла Вибиану.

– Родилась не здесь, – сообщила Флора. – В Мексике.

Сбитый с толку, Босх встал, подошел к стойке и спросил:

– Откуда знаешь?

– Видела в свидетельстве о смерти, – объяснила Флора. – Лорито.

Она произнесла название с ошибкой, но Босх понял, о чем речь. Однажды поиски подозреваемого в убийстве привели его в Лорето, город на полуострове Байя. Пожалуй, там и следовало искать собор или церковь Святой Вибианы.

– Ты уже нашла свидетельство о смерти? – спросил он.

– Почти сразу, – ответила Флора. – Пятьдесят первый год.

Босху вдруг стало нечем дышать. Вибиана была мертва, и умерла очень давно. Впервые он услышал это имя меньше шести часов назад, но уже нашел ее – ну, в каком-то смысле. Что же скажет Вэнс, узнав такие новости?

Он протянул руку. Флора передала ему катушку с микропленкой и назвала номер нужного документа: 51-459. Самое начало, даже с поправкой на 1951 год. Четыреста пятьдесят девятая смерть в Лос-Анджелесе. Когда же это случилось? В январе? В феврале?

Задумавшись, он взглянул на Флору. Интересно, она видела причину смерти, когда нашла документ?

– Она умерла при родах? – спросил он.

Флора заметно озадачилась.

– Нет, – сказала она. – Сам посмотри. Почитай.

Босх с катушкой в руке вернулся в кабинку. Ловко зарядил пленку, включил проектор. Аппарат был автоматический, кадры сменялись по нажатию кнопки. Босх пролистал документы, раз в несколько секунд останавливаясь, чтобы свериться с номером, проставленным в верхнем углу кадра. Четыреста пятьдесят девятая смерть случилась в середине февраля. Остановившись на нужном документе, Босх увидел, что за многие десятилетия форма калифорнийского свидетельства о смерти почти не изменилась. Этот документ был, пожалуй, самым старым на его памяти, но бланк походил на современный. Босх отыскал раздел, предназначенный для пометки coronera или лечащего врача. Причину смерти записали от руки: самоубийство посредством удушения шнуром, бельевой веревкой.

Босх долгое время смотрел на эту строчку, не двигаясь и даже не дыша. Вибиана покончила с собой. Других подробностей в документе не было, лишь размашистая нечитаемая подпись, а рядом с ней – два напечатанных на машинке слова: «Помощник coronera».

Откинувшись на спинку стула, Босх глубоко вздохнул. На него накатила безмерная печаль. Он не знал всех нюансов дела. Слышал лишь рассказ Вэнса, а тот изложил точку зрения восемнадцатилетнего парня, искаженную болезненным чувством вины восьмидесятипятилетнего старика. Но этого было достаточно, чтобы понять: с Вибианой произошло что-то нехорошее. Вэнс расстался с ней не по-человечески. Июньские события стали причиной того, что произошло в феврале. Босх нутром чувствовал, что Вибиана распрощалась с жизнью задолго до того, как сунула голову в петлю.

Он записал в блокнот информацию из свидетельства о смерти. Вибиана покончила с собой 12 февраля 1951 года. Ей было семнадцать лет. В графе «Родственники» было указано имя отца: Виктор Дуарте. Он жил на улице Надежды – одной из тех, которые Босх внес в свой список, изучая карту окрестностей университета. В названии улицы была печальная ирония.

Место смерти – адрес на бульваре Норт-Оксидентал – показалось ему странным. Босх знал, что этот бульвар находится к западу от Даунтауна, в районе Эхо-парка. То есть довольно далеко от дома Вибианы. Он достал телефон, открыл браузер и вбил адрес в строку поиска. Оказалось, в этом здании находился приют Святой Елены для молодых матерей-одиночек. Несколько ссылок вели на сайты о приюте, а еще одна – на статью из «Лос-Анджелес таймс», посвященную его столетнему юбилею.

Босх тут же открыл статью и приступил к чтению.

РОДИЛЬНЫЙ ДОМ ОТМЕЧАЕТ СВОЙ СОТЫЙ ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Скотт Б. Андерсон, штатный сотрудник «Лос-Анджелес таймс»

Приют Святой Елены для матерей-одиночек на этой неделе отмечает сто лет со дня основания. В прошлом здесь скрывали семейные тайны. Теперь же родильный дом являет собою символ семейного процветания.

На трехакровой территории рядом с Эхо-парком всю неделю будут проводиться праздничные мероприятия, в числе прочих семейный пикник и главное событие юбилея – выступление женщины, которая пятьдесят лет назад была вынуждена отдать новорожденного ребенка в приемную семью, не выдержав давления со стороны родителей.

За последние несколько десятилетий общественные нравы претерпели значительные изменения. Этот процесс затронул и приют Святой Елены. В прошлом, если девушке случалось преждевременно забеременеть, ее старались спрятать, чтобы ребенок родился подальше от чужих глаз и был незамедлительно передан приемным родителям...

Дальше Босх читать не стал. Он понял, что случилось шестьдесят пять лет назад. – Вибиана родила ребенка... – прошептал он. – Ребенка, которого у нее отобрали.

Глава 8

Босх бросил взгляд на Флору. Та как-то странно смотрела на него.

– Гарри, ты в норме? – спросила она.

Не ответив, он поднялся на ноги и подошел к стойке.

– Флора, мне нужны записи о рождении за январь и февраль пятьдесят первого года, – сказал он.

– Хорошо, – кивнула Флора. – Фамилия?

– Не знаю. Не уверен, под какой фамилией записан ребенок. Посмотри «Дуарте» и «Вэнс». Дай ручку, я запишу.

– Держи.

– Ребенок родился в больнице Святой Елены. Вообще, мне бы хотелось взглянуть на все записи о рождении в больнице Святой Елены за первые два...

– В округе нет такой больницы.

– Ну, это не совсем больница. Это приют для матерей-одиночек.

– Значит, у нас записей не будет.

– Как так? Должны же быть...

– Это секрет. Родился ребенок, отдали другим людям. Новое свидетельство о рождении. Никаких упоминаний о Святой Елене. Ясно?

Босх не вполне понимал, о чем речь, хотя ему и было известно, что тайна усыновления охраняется множеством законов.

– То есть свидетельство о рождении выдается после усыновления? – спросил он.

– Именно, – ответила Флора.

– И в нем указывают только имена новых родителей?

– Именно так.

– И новое имя младенца?

Флора кивнула.

– А что пишут в графе «Родильный дом»? Врут?

– Пишут «Домашние роды».

Босх разочарованно хлопнул ладонями по стойке:

– Значит, я никак не сумею отыскать ее ребенка?

– Прости, Гарри. Не злись.

– Я не злюсь, Флора. А даже если и злюсь, то не на тебя.

– Ты хороший детектив, Гарри Босх. Разберешься.

– Ага, Флора. Разберусь.

Все еще опираясь ладонями на стойку, Гарри наклонился и попробовал собраться с мыслями. Должен же быть какой-то способ найти этого ребенка! Пожалуй, стоит съездить в приют Святой Елены. Да, других вариантов нет. В голову ему пришла новая мысль, и он поднял глаза на Флору.

– Гарри, я тебя таким не видела, – покачала головой она.

– Знаю, Флора. Извини. Не люблю оказываться в тупике. Будь другом, принеси пленки с записями о рождении за январь и февраль пятьдесят первого года.

– Уверен? За два месяца много детей.

– Да, уверен.

– Тогда ладно.

Флора опять скрылась в архиве, а Босх ушел в кабинку и стал ждать. Взглянув на часы, он понял, что, скорее всего, просидит за пленками до конца рабочего дня. Архив закрывался в пять часов вечера. А потом ему предстоит тащиться домой в Голливуд через центр Даунтауна в

самый час пик, а это часа два или около того. Босх решил: раз уж он рядом с округом Ориндж, самое время написать эсэмэску дочери: вдруг у нее найдется время поужинать с отцом где-нибудь подальше от студенческой столовой Чепменского университета.

Мэдс, я в Норуолке, работаю над делом. Если есть время, могу заехать.
Пужинаем.

Ответ пришел незамедлительно:

Норуолк? Это где?

Рядом с тобой. Могу забрать в 5:30 и привезти в 7:00, чтобы успела сделать домашку. Что скажешь?

На сей раз Мэдди задержалась с ответом – должно быть, прикидывала варианты. На втором курсе социальная и учебная нагрузка выросла в геометрической прогрессии, и Босх все реже виделся с дочерью. Он страшно гордился ее успехами, но иной раз ему становилось грустно и одиноко. Босх знал, что так будет и сегодня, если он не встретится с Мэдди. История Вибианы Дуарте – вернее, совсем незначительная ее часть, которую Босх сумел выяснить, – произвела на него гнетущее впечатление. Вибиана была лишь на несколько лет моложе Мэдди, и ее судьба была очередным напоминанием о том, что жизнь бывает беспощадна – даже к невинным душам.

Пока Босх ждал ответа от дочери, Флора нашла для него две микропленки. Положив телефон на стол, Гарри зарядил в аппарат катушку с пометкой «Январь 1951 года» и с головой окунулся в сотни документов, проверяя в каждом раздел больничных записей и распечатывая каждое свидетельство, где была строчка «Домашние роды».

Через полтора часа Босх добрался до 20 февраля 1951 года: решил расширить диапазон поисков на неделю после смерти Вибианы, сделав поправку на волокиту при выдаче свидетельства о рождении новым родителям. Он распечатал шестьдесят семь документов, в которых стояла пометка «Домашние роды», а в графе «Раса» было указано «латиноамериканец/латиноамериканка» или «белый/белая». У него не было фотографии Вибианы Дуарте, и он не знал, насколько смуглой была ее кожа. Нельзя было исключать вероятность, что ее ребенка усыновили как белого – под стать расе приемных родителей.

Выравнивая стопку распечаток, он понял, что совсем забыл про ужин с дочерью. Схватил телефон и увидел, что пропустил последнюю эсэмэску. Она пришла больше часа назад. Мэдди согласилась, но при условии, что в 7:30 сядет за уроки. В этом году они с тремя другими девочками снимали дом в нескольких кварталах от студгородка. Взглянув на часы, Босх понял, что был прав: он еле-еле успевал к закрытию архива. Он сбросил Мэдди короткое сообщение, что уже едет, отнес микропленки к стойке и спросил у Флоры, сколько должен за шестьдесят семь свидетельств о рождении.

– Нисколько, – ответила она. – Ты же полицейский.

– Ну да, но я этого не говорил, – произнес Босх. – Это частное дело.

Он вновь отказался ссылаться на свою должность в Сан-Фернандо. Когда речь заходила о поиске имен в полицейских базах данных, у Босха не было выбора. Но работа в архиве – совсем другое дело. Взяв бесплатные копии под ложным предлогом, он воспользовался бы служебным положением ради материальной выгоды. Отдача может прилететь такая, что мало не покажется. Он вытащил бумажник.

– Тогда пять долларов за штуку, – сказала Флора.

Утром Босх стал богаче на десять тысяч долларов, но цена все равно повергла его в изумление. Должно быть, он изменился в лице, ибо Флора улыбнулась.

– Понял? – сказала она. – Ты полицейский.

– Нет, Флора, это не так, – возразил Босх. – Можно заплатить кредиткой?

– Нет, плати наличными.

Нахмурившись, Босх выудил из бумажника сотенную купюру, которую носил в потайном отсеке на всякий пожарный случай. Добавил к ней деньги из кармана пиджака, пересчитал, заплатил триста тридцать пять долларов за копии, а остальные шесть баксов сунул обратно в карман. Попросил квитанцию, хоть и не планировал требовать у Вэнса компенсации расходов. На прощание помахал Флоре пачкой распечаток и вышел из архива.

Через несколько минут его «чероки» уже стоял на выезде с парковки. Там собралась очередь, ибо все – и служащие, и посетители – вышли из здания ровно в пять часов. Чтобы развеяться, Босх поставил компакт-диск с последним альбомом саксофонистки Грейс Келли. Мэдди была по большей части равнодушна к джазу, но Келли ей нравилась. Если она выберет ресторан, куда нужно будет ехать на машине, пусть по дороге играет этот диск.

Но Мэдди заявила, что ужинать они будут в Старом городе. От Палм-авеню – улицы, где она жила, – до Старого города было рукой подать, и они с Босхом решили прогуляться. По пути Мэдди рассказала, что снимать отдельный дом с тремя подругами гораздо приятнее, чем ютиться в двухкомнатной клетушке общежития с одним туалетом на всех, как это было на первом курсе. К тому же теперь она жила рядом с той частью студгородка, где находился факультет психологии. В целом жизнь у Мэдди складывалась неплохо, но Босх волновался насчет ее безопасности. Палм-авеню не входила в зону покрытия университетской полиции, так что Мэдди с подружками оставалось надеяться на полицейское управление Оринджа, а толку от него было немного. В отличие от полиции университета, городские патрули реагировали на вызов как сонные мухи. Разница во времени отклика была ощутимой: не пара секунд, а несколько минут. Босха это изрядно беспокоило.

Местечко в Старом городе оказалось пиццерией, где ты, отстояв длинную очередь, забирал к столику свеженькую заказную пиццу – как говорится, с пылу с жару. Расположившись напротив Мэдди, Босх засмотрелся на ядовито-розовый оттенок ее волос. А потом спросил, зачем она покрасилась в такой цвет.

– Из солидарности, – ответила Мэдди. – У подружки мама болеет раком груди.

И увидела, что Босх ничего не понимает.

– Ты что, прикалываешься? – удивилась она. – Пап, сейчас октябрь: месячник осведомленности о раке груди. Ты же и сам все знаешь.

– Ах да, точно. Забыл.

Недавно он видел по телевизору футболистов «Лос-Анджелес рэмз» в розовой форме. Теперь до него дошло, что к чему. Хорошо, конечно, что Мэдди выкрасила волосы ради благого дела. Что еще лучше, эта краска, наверное, быстро смывается: ведь через пару недель будет уже ноябрь.

Расправившись с половиной своей пиццы, Мэдди уложила остатки в картонную коробку, объяснив, что это на завтрак.

– Ну, какое дело взял? – спросила она, когда они возвращались к дому по Палм-авеню.

– Откуда ты знаешь, что я взял дело? – спросил Босх.

– Ты же написал в эсэмэске. И еще на тебе костюм. Ну почему ты у меня такой параноик? Прямо как агент секретной службы.

– Да забыл. Ищу наследника.

– Как-как? Насильника?

– Наследника. Знаешь фразу «наследник престола»?

– А, ясно.

– В Пасадене живет один старик. У него куча денег. А мне поручено узнать, есть ли у него наследник, которому можно завещать все это богатство.

– Ого, круто. Кого-нибудь нашел?

– На данный момент у меня шестьдесят семь вариантов. Потому-то я и ездил в Норуолк. Искал свидетельство о рождении.

– Тоже круто.

Босх решил, что не стоит рассказывать Мэдди о судьбе Вибианы Дуарте.

– Только никому ни слова, Мэдс. Хоть я и не агент секретной службы, дело строго конфиденциальное.

– Типа мне есть с кем об этом разговаривать?

– Ну не знаю. Просто не выкладывай это в «Майфейс» или «Снэпчат», или куда ты там все выкладываешь.

– Пап, не смейся. У нас поколение визуалов. Мы не рассказываем о том, чем занимаются другие люди. Мы показываем, чем заняты сами. Делимся фотками. Так что не парься.

– Вот и славно.

Возле дома Босх спросил, можно ли войти, проверить замки и убедиться, что остальные меры безопасности соблюдены. Домовладелец еще в сентябре разрешил ему поставить дополнительные запоры на все окна и двери. Расхаживая по комнатам, Босх никак не мог отделаться от мысли о Моските. Наконец он вышел на задний дворик и убедился, что калитка деревянной ограды заперта изнутри. Он заметил, что Мэдди последовала его совету: выставила у черного хода собачью миску, хотя у девочек не было собаки – домовладелец запретил ее заводить.

Похоже, все было в порядке. Еще раз напомним дочери, что нельзя спать с открытыми окнами, Босх на прощание обнял ее, чмокнул в макушку и сказал:

– Не забывай наливать воду в миску. Сейчас там пусто.

– Хорошо, пап, – обреченно произнесла Мэдди.

– Иначе от миски никакого толку.

– Хорошо, поняла.

– Умница. Куплю в «Хоум депо» пару табличек «Осторожно, злая собака». В следующий раз привезу.

– Пап!

– Ладно-ладно. Уже ухожу.

Еще раз обняв дочь, Босх направился к машине. Соседок Мэдди во время своего недолгого обхода он не видел. Это было странно, но он решил не задавать лишних вопросов. Боялся, что Мэдди начнет выговаривать: мол, не лезь в чужую жизнь. Однажды она уже заявила, что у подружек от его расспросов кровь в жилах стынет.

Усевшись за руль, Босх черкнул себе пометку: не забыть про таблички «Осторожно, злая собака», после чего повернул ключ зажигания и поехал на север, домой.

Пробки уже рассосались. Гарри был рад, что провел день с толком и даже успел поужинать с дочерью. Завтра утром он начнет сужать круг поисков Вибианы Дуарте и ребенка Уитни Вэнса. Его имя должно быть в одном из документов, лежащих на пассажирском сиденье.

Приятно было думать, что дело Вэнса сдвинулось с мертвой точки, но в глубине души Гарри чувствовал тревогу. Что-то подсказывало, что Москит уже высматривает новую жертву и готовится к очередному нападению. Где-то в Сан-Фернандо тикали часики. Босх был в этом уверен.

Глава 9

Утром Босх сварил кофе и выпил его на задней террасе, разложив на уличном столике распечатанные днем раньше документы. Изучая имена и даты, он быстро пришел к выводу, что сузить круг поисков не получится. Босх надеялся найти свидетельство, выданное с задержкой, но все без исключения документы были выписаны не сразу, а дня через три после рождения ребенка, а то и позже. Босх решил, что вернее всего будет как-то добраться до записей в приюте Святой Елены.

Задача была не из легких. Пробриться сквозь законы о тайне усыновления весьма непросто, даже вооружившись властью и жетоном полицейского. Босх подумал, не стоит ли позвонить Вэнсу, чтобы тот нанял юриста и подал запрос на доступ к записям об усыновлении ребенка Вибианы Дуарте, но пришел к выводу, что такая конструкция не взлетит. Подобный запрос – вернейший способ раскрыть планы Вэнса, а старик твердо намеревался сохранить все в секрете.

Вспомнив о статье из «Таймс», Босх решил дочитать ее до конца и отправился в дом за ноутбуком. Заодно отнес внутрь пачку документов, чтобы те не сдуло ветром в каньон.

В статье говорилось об эволюции приюта Святой Елены. В прошлом матерей спешили разлучить с детьми, теперь же работники приюта помогали девушкам вернуться в общество, не отказываясь от ребенка. В 1950 году слова «преждевременная беременность» звучали как приговор, но в девяностых все изменилось. У юных матерей-одиночек появился шанс на нормальную жизнь, а приют Святой Елены запустил несколько успешных проектов по поддержке неполных молодых семей.

В отдельном параграфе были собраны отзывы женщин: те рассказывали, как родня отвернулась от них, а в приюте им дали крышу над головой и, по сути дела, помогли выжить. В статье не было негативных отзывов. Не было и рассказов о том, как у девушек в буквальном смысле отбирали детей, чтобы отдать их незнакомцам.

Внимание Босха привлек последний параграф статьи. Гарри тут же сообразил, как взглянуть на дело под новым углом. Параграф начинался со слов женщины, оказавшейся в приюте в 1950 году. Родив ребенка, эта женщина прожила в приюте следующие пятьдесят лет.

Четырнадцатилетнюю Абигейл Тернбулл бросили на крыльце приюта с чемоданчиком в руках. Она была на третьем месяце беременности. Родители ее, люди глубоко религиозные, отказались мириться с таким положением дел. Отец ребенка отвернулся от нее. Ей было некуда идти.

Родив дочь, Абигейл пробыла с ней менее часа, после чего отдала ребенка чужим людям. Но ей по-прежнему было некуда податься. В семье ее не ждали. Ей позволили остаться в приюте при условии, что она будет выполнять черную работу: драить полы и стирать белье. Однако со временем Абигейл окончила двенадцать классов школы, а потом и университет, после чего стала выполнять в приюте обязанности соцработника: консультировать девушек, оказавшихся в тяжелой жизненной ситуации. В общей сложности Абигейл прожила в приюте полвека, пока не решила уйти на покой.

На праздновании столетнего юбилея Тернбулл, выступая с речью, рассказала историю о том, как долгие годы ее преданного служения приюту Святой Елены окупились стократно.

Однажды, когда я была в ординаторской, одна из сестер сообщила, что в фойе ждет женщина. Она пришла, чтобы узнать подробности собственного удочерения. Хотела выяснить, кто она по происхождению. По словам родителей, она появилась на свет в приюте Святой Елены. Я вышла к ней и сразу почувствовала что-то странное. Голос, глаза... Казалось, я знаю эту женщину. Я спросила, когда она родилась. Женщина ответила: девятого апреля тысяча девятьсот пятидесятого года. И я все поняла. Передо мной стояла моя собственная

дочь. Я обняла ее, и вся моя боль, все сожаления – все это разом исчезло. Я поняла, что случилось чудо, ради которого Господь столько лет не отпускал меня из приюта.

В последнем предложении было сказано, что после выступления Тернбулл представила публике свою дочь, и все прослезилась.

– Джекпот... – прошептал Босх, дочитав статью.

Теперь нужно было поговорить с Тернбулл. С момента публикации статьи в «Таймс» прошло восемь лет. Записывая имя, Босх надеялся, что эта восьмидесятилетняя женщина еще жива.

Оставалось понять, как побыстрее с ней связаться. Босх ввел имя в поисковик. Высветились ссылки на платные сайты родословных – по большей части обманки с недобросовестной рекламой. В «Линкедине», социальной сети с бизнес-уклоном, был профиль Абигейл Тернбулл, но вряд ли он принадлежал восьмидесятилетней женщине, которая нужна была Босху. Наконец Гарри решил отвлечься от цифровых изысканий и попробовать другой подход: Мэдди называла его «социальной инженерией». Открыв сайт приюта, он нашел телефонный номер и набрал его на смартфоне. Через три гудка женский голос ответил:

– Приют Святой Елены. Чем могу помочь?

– Ага, да, здравствуйте, – начал Босх, притворяясь, что нервничает. – Можно поговорить с Абигейл Тернбулл? Ну, если она еще у вас работает?

– Голубчик, ее давно уже нет здесь.

– О господи! То есть ей же очень много лет... Скажите, она не умерла?

– Нет, она жива, но давно ушла на покой. Не удивлюсь, если Абби всех нас переживет.

Босх увидел проблеск надежды. Раз Тернбулл жива, он ее найдет.

– Я встречался с ней на юбилее, – продолжил он. – Мы с мамой подходили поздороваться.

– Это было восемь лет назад. Позвольте узнать, с кем я говорю и по какому поводу вы звоните.

– Э-э-э... это Дейл. Я родился у вас в приюте. Мама всегда нахваливала Абигейл Тернбулл: говорила, какая она заботливая и как хорошо они дружили. Ну я уже сказал: мы приходили на юбилей, и я наконец-то с ней познакомился.

– Так чем могу помочь, Дейл?

– Вообще-то, я звоню по печальному поводу. Мама только что скончалась. Она оставила записку для Абигейл. И еще нужно сообщить ей, когда будут похороны, если она вдруг захочет прийти попрощаться. Я сделал карточку с приглашением. Не подскажете, как бы ее передать?

– Присылайте к нам в приют. Пометьте, что это для Абигейл. Мы все устроим.

– Ну да, оно понятно, но я боюсь не успеть – сами понимаете, третьи руки и все такое... Похороны уже в воскресенье. Вдруг приглашение не доставят вовремя?

После долгой паузы женщина сказала:

– Побудьте на связи. Я выясню, что можно сделать.

В динамике стало тихо. Босх ждал и думал, что разыграл все как по нотам. Две минуты спустя женщина вернулась:

– Алло?

– Да-да, я здесь.

– Только в порядке исключения: записывайте почтовый адрес Абигейл. Телефонный номер дать не могу, для этого требуется ее разрешение. Я только что звонила ей, но не дозвонилась.

– Что ж, мне хватит и адреса. Сегодня же отправлю письмо. Как раз придет вовремя.

Женщина продиктовала Босху адрес на бульваре Вайнленд в Студио-Сити. Записав его, Босх поблагодарил и тут же нажал кнопку отбоя.

Он взглянул на адрес. Совсем недалеко от дома: всего-то и нужно, что спуститься в Вэлли и доехать до Студио-Сити. В адресе был номер квартиры или комнаты, – наверное, Абигейл

Тернбулл жила в доме престарелых. Не исключено, что, кроме обычных калиток и кнопок, там будет серьезная охрана.

Босх сходил на кухню, достал из шкафчика резинку и перехватил ею пачку документов. Он собирался взять их с собой – на всякий случай. Взяв ключи, он направился к боковому выходу, но тут в переднюю дверь громко постучали. Сменив курс, Босх пошел посмотреть, кто к нему заявился.

На веранде стоял безымянный охранник – тот самый, что вчера провожал его в особняк Вэнса.

– Хорошо, что я вас застал, мистер Босх, – сказал он.

Взгляд его упал на пачку свидетельств о рождении. Босх машинально опустил руку и спрятал документы за левое бедро. Рассердившись на себя за столь очевидный жест, он резко спросил:

– Чем могу помочь? Я уже ухожу.

– Меня прислал мистер Вэнс, – сказал мужчина. – Он хочет знать, как обстоят дела.

Какое-то время Босх молча смотрел на него.

– Как вас зовут? – спросил наконец он. – Вчера вы так и не представились.

– Слоун. Начальник охраны поместья в Пасадене.

– Как вы узнали, где я живу?

– Нашел ваш адрес.

– Где нашли? Моего имени нет ни в одной адресной книге, а дом записан на другого человека.

– Мы умеем находить людей, мистер Босх.

Босх еще немного посверлил Слоуна взглядом, после чего сказал:

– Видите ли, Слоун, мистер Вэнс велел отчитываться только перед ним. Так что прошу меня простить.

Босх начал было закрывать дверь, но Слоун придержал ее.

– Вот это вы зря, – заметил Босх.

Слоун попятился и поднял руки.

– Приношу свои извинения, – сказал он. – Дело в том, что вчера мистер Вэнс заболел.

Сразу после вашей с ним встречи. Сегодня утром он приказал мне узнать, удалось ли вам продвинуться.

– Продвинуться? В чем? – осведомился Босх.

– В деле, для которого вас наняли.

Подняв палец, Босх спросил:

– Побудете здесь минутку?

Не дожидаясь ответа, он закрыл дверь, сунул пачку документов под мышку и отправился к обеденному столу, где лежала карточка с телефоном Вэнса. Набрал номер, вернулся к двери и вновь открыл ее, слушая долгие гудки.

– Кому звоните? – спросил Слоун.

– Вашему боссу, – ответил Босх. – Вы предлагаете обсудить его дела. Хочу убедиться, что он не против.

– Он не ответит.

– В таком случае...

Телефон Вэнса, издав длинный писк, переключился в режим автоответчика. Приветственного сообщения не прозвучало.

– Мистер Вэнс, это Гарри Босх. Пожалуйста, перезвоните.

Босх продиктовал номер, коснулся иконки отбоя и вновь обратился к Слоуну:

– Одного понятия не могу: с какой стати Вэнс прислал вас сюда, не сказав, на какую работу меня нанял?

– Говорю же, он заболел.

– Ну да. Тогда подождем, пока поправится. Передайте, чтобы он мне позвонил.

Босх прочел на лице Слоуна замешательство. Тот хотел сказать что-то еще. Босх ждал. Наконец Слоун разродился:

– У мистера Вэнса есть причины считать, что телефонный номер на карточке, которую он вам дал, уже небезопасен. Он хочет, чтобы вы отчитывались через меня. Я служу у него телохранителем уже двадцать пять лет.

– Что ж, пусть скажет мне эти слова при личной встрече. Когда выздоровеет, дайте знать, и я прискачу к нему во дворец.

С этими словами Босх громко хлопнул дверью, застав Слоуна врасплох. Тот снова постукал, но Босх уже тихонько открывал боковую дверь, ведущую к площадке для автомобиля. Он выскользнул из дома, так же тихонько открыл дверцу «чероки» и юркнул за руль. Как только завелся двигатель, Босх включил задний ход и стремительно выехал на улицу. У противоположной обочины стоял медно-красный седан. К нему спешил Слоун. Крутанув баранку, Босх сдал направо и рванул в гору мимо Слоуна – тот уже открывал дверцу своей машины. Теперь ему придется заехать на площадку возле дома, чтобы развернуться на узкой улочке. Дело небystрое, и Босх успеет от него оторваться.

За двадцать пять лет Босх заучил все повороты Вудро-Вильсон-драйв наизусть, так твердо, что мог гонять здесь с закрытыми глазами. Вскоре он увидел знак «Стоп» у Малхолланд-драйв и, не останавливаясь, круто свернул направо – на дорогу, что змеилась вдоль горного хребта до Райтвуд-драйв. Босх то и дело поглядывал в зеркало, но не видел ни Слоуна, ни других преследователей. Еще раз свернув направо, он оказался на Райтвуд-драйв и помчался вниз по северному склону в сторону Студио-Сити. Выехал на бульвар Вентура и оказался в Вэлли.

Через несколько минут «чероки» остановился на обочине бульвара Вайнленд, у жилого комплекса под названием «Горный ветер». Старые обшарпанные корпуса стояли неподалеку от эстакады шоссе 101. Вдоль нее шла двадцатифутовая бетонная глушилка, но Босх подумал, что рев автомобильных моторов все равно гуляет по двухэтажному жилому комплексу не хуже горного ветра.

Что важнее всего, это не был дом престарелых. Абигейл Тернбулл жила в обычном многоквартирнике. Босх оставалось лишь выйти из автомобиля и постучаться к ней в дверь.

Глава 10

Прислонившись к калитке, Босх делал вид, что занят телефонным разговором. На самом деле он слушал сообщение, которое Мэдди оставила ему год назад, когда поступила в Чепменский университет: «Пап, я сегодня на седьмом небе от счастья, и спасибо за все, что ты для меня сделал. Без тебя я бы не поступила. Здорово, что буду жить неподалеку. Захотим повидаться, всего лишь час езды, и дело в шляпе. Ну ладно, может, два, но это уже с поправкой на пробки».

Босх улыбнулся. Он не знал, как долго хранятся голосовые на его смартфоне, но надеялся, что еще не раз услышит голос дочери, полный неподдельной радости.

Из дома вышел мужчина. Он направился к калитке. Босх, подгадав время, притворился, что говорит по телефону и одновременно шарит по карманам в поисках ключа.

– Отлично, – сказал он. – Я тоже в полном восторге.

Мужчина толкнул калитку с другой стороны. Босх, пробормотав слова благодарности, вошел на территорию жилого комплекса. В очередной раз сохранил сообщение Мэдди и спрятал телефон в карман.

Указатели вдоль каменной дорожки привели его к нужному корпусу. Квартира Абигейл Тернбулл была на первом этаже. Босх подошел к ней и увидел, что дверь за москитной сеткой открыта. Из квартиры донесся голос:

– Все хорошо, Абигейл?

Босх шагнул ближе к москитной сетке и, не стуча, заглянул внутрь. Увидел короткий коридор, а за ним – гостиную, где на диване сидела болезненного вида старушка с копной каштановых волос – очевидно, это был парик – и в очках с толстыми линзами. Перед ней был раскладной столик, а рядом стояла вторая женщина, гораздо моложе первой. В одной руке у нее была тарелка, а другой она собирала столовое серебро. Должно быть, Абигейл припозднилась с завтраком или решила пообедать пораньше.

Босх решил подождать, – возможно, женщина приберется и уйдет. Дверь квартиры выходила на внутренний дворик с трехуровневым фонтаном. Плеск воды перекрывал завывания автомобильных моторов на эстакаде, благодаря чему Тернбулл могла позволить себе не закрывать дверь. Устроившись на цельнолитой бетонной скамье перед фонтаном, Босх положил рядом с собой пачку свидетельств о рождении и стал проверять сообщения на телефоне. Минут через пять из квартиры вновь донесся голос:

– Оставить дверь открытой, Абигейл?

Босх услышал неразборчивый ответ. Из квартиры вышла женщина с сумкой-термосом для готовой еды. Такой же термос с логотипом благотворительной организации когда-то был у Мэдди: в выпускном классе она вызвалась разносить продукты малоподвижным людям. Возможно, заходила и к Абигейл Тернбулл, подумал Босх.

Женщина направилась к калитке. Подождав еще немного, Босх подошел к москитной сетке и снова заглянул в квартиру. Абигейл Тернбулл по-прежнему сидела на диване. Раскладной столик исчез. Его место заняли ходунки с двумя колесиками. Абигейл, не отрываясь, смотрела куда-то вглубь гостиной. Босх не видел, что там, но ему показалось, что в комнате борочет телевизор.

– Мисс Тернбулл?

Босх окликнул ее во весь голос: мало ли, у старушки проблемы со слухом. Вздрогнув, Абигейл испуганно взглянула на дверь.

– Прошу прощения, – тут же добавил Босх. – Я не хотел вас напугать. Скажите, можно вас кое о чем спросить?

Абигейл принялась озираться по сторонам, словно в поисках поддержки – на тот случай, если она вдруг понадобится.

– Что вам от меня нужно? – наконец спросила она.

– Я детектив, – ответил Босх. – Веду одно дело. Хочу задать вам пару вопросов.

– Ничего не понимаю. У меня нет знакомых детективов.

Босх взялся за дверную ручку. Рама с москитной сеткой была не заперта. Босх приоткрыл ее, чтобы Абигейл получше его рассмотрела. Поднял жетон УПСФ и улыбнулся:

– Я веду расследование, Абигейл. Думаю, вы способны мне помочь.

Женщина, принесшая еду, обращалась к Тернбулл по имени. Босх решил попробовать такой же подход. Тернбулл не ответила. Босх заметил, что руки ее сжались в кулаки. Стало быть, нервничает.

– Разрешите войти? – спросил он. – Я на пару минут, не больше.

– Сюда никто не заходит, – сказала она. – У меня нет денег на покупки.

Босх осторожно вошел в коридор. Ему было совестно, что он напугал старушку, но он продолжал улыбаться.

– Абигейл, я здесь не для того, чтобы что-то вам продать. Честное слово.

С этими словами он вошел в тесную гостиную. По телевизору шла передача Эллен Дедженерес. Еще в комнате был диван и кухонный стул, сиротливо стоявший в углу, у входа в кухню с маленьким холодильником. Сунув бумагу под мышку, Босх вытащил из чехла с жетоном удостоверение УПСФ. Абигейл неохотно взяла его в руки и углубилась в чтение.

– Сан-Фернандо? – наконец спросила она. – Это где?

– Тут, рядом, – ответил Босх. – Я...

– Что у вас за расследование?

– Мне нужно найти одного человека. О нем давно уже ничего не слышно.

– Не пойму, зачем я вам понадобилась. Я ни разу не была в Сан-Фернандо.

– Разрешите, я присяду? – Босх указал на стул в углу.

– Да на здоровье. Но я все равно в толк не возьму, чего вы от меня хотите.

Придвинув стул, Босх сел напротив Абигейл и ее ходунков. На старушке был выцветший домашний халат в цветочек. Она все еще рассматривала удостоверение Босха.

– Что это за имя такое? Как читается? – осведомилась она.

– Иероним, – ответил Босх. – Меня называли в честь одного художника.

– Не знаю я такого художника.

– В этом вы не одиноки. В общем, несколько лет назад в газете опубликовали статью о приюте Святой Елены. Я ее прочел. В ней говорилось о вашем выступлении на юбилее. О том, как вы встретились с дочерью. Та пришла в приют в поисках ответов на свои вопросы.

– Ну и что с того?

– Мой наниматель – глубокий старик, и он тоже хочет узнать ответ на свой вопрос. Его ребенок родился в приюте Святой Елены. Я надеялся, что вы поможете мне с поисками.

Абигейл откинулась на спинку дивана, словно отстраняясь от разговора, и покачала головой.

– Там родилось очень много детей, – проговорила она. – Я полвека прожила в приюте. Всех не упомнишь. К тому же при усыновлении почти каждому давали другое имя.

– Знаю, – кивнул Босх. – Но этот случай особенный. Думаю, вы помните мать ребенка. Ее звали Вибиана. Вибиана Дуарте. Она появилась в приюте через год после вас.

Тернбулл зажмурилась, словно в попытке совладать с мучительной болью. Босх тут же понял, что она была знакома с Вибианой. Его путешествие во времени подошло к концу.

– Вы вспомнили ее, верно? – спросил он.

Тернбулл ответила кивком:

– Я была там, когда это случилось. Жуткий день.

– Расскажите?

– Зачем? Дело прошлое.

Замечание было справедливым, и Босх кивнул:

– Помните, как ваша дочь нашла вас в приюте? Вы еще назвали это чудом. Здесь примерно такая же ситуация. Я работаю на человека, который хочет найти своего ребенка. Своего и Вибианы.

Он тут же понял, что ошибся с выбором слов. Судя по выражению лица, Тернбулл не на шутку рассердилась.

– Такая же ситуация? Ничего подобного, – сказала она. – Никто не заставлял его отдавать ребенка в приемную семью. Он сам отвернулся и от Вибби, и от собственного сына.

Подметив слово «сын», Босх тут же попытался заглазить вину.

– Согласен, Абигейл, – сказал он. – Но все же речь идет об отце, который ищет своего сына. Этот человек стар. Он скоро умрет. И еще он очень богат. Да, оставив ребенку наследство, он не искупит своей вины, но нам ли это решать? По-моему, этот вопрос касается только его сына. Так давайте позволим ему хотя бы сделать выбор.

Тернбулл молчала. Должно быть, обдумывала слова Босха.

– Ничем не могу помочь, – наконец произнесла она. – Я не знаю, что стало с мальчиком после того, как его забрали.

– Тогда поведайте мне о том, что знаете, – попросил Босх. – Да, история ужасная. Но расскажите, как все было. И еще расскажите про сына Вибби.

Тернбулл уставилась в пол. Босх понял, что она погрузилась в воспоминания и вот-вот заговорит. Ухватившись обеими руками за ходунки, словно в поисках опоры, она начала:

– Он был совсем слабенький. Родился с недовесом. У нас было правило: не отдавать ребенка в новую семью, если он весит меньше пяти фунтов.

– Что было дальше? – спросил Босх.

– Тем двоим, что собирались его усыновить, велели подождать. Нужно было, чтобы он поправился. Набрал вес.

– То есть усыновление отложили?

– Да, иногда такое случалось. Отложили. Сказали Вибби, чтобы она хорошенько его откормила. Ей пришлось забрать его к себе в комнату, кормить грудью. Кормить, пока не поправится. Пока не прибавит в весе.

– И как долго?

– Неделю. Может, дольше. Знаю только, что Вибби провела с ребенком больше времени, чем кто-либо еще. У меня, например, забрали через час. В общем, через неделю или около того пришло время отдавать ребенка. Те двое вернулись, начали оформлять документы. Забрали у Вибби малыша.

Босх угрюмо кивнул. История становилась все мрачнее, с какой стороны ни глянь.

– Что случилось с Вибби? – спросил он.

– Я тогда работала в прачечной, – продолжила Тернбулл. – Приют был небогатый. Сушилок не было. Белье сушили во дворике за кухней, на веревках. Позже на том месте поставили пристройку. В то утро я пошла развешивать простыни и заметила, что одной веревки не хватает.

– Вибиана?

– Потом я все узнала. Девочки рассказали. Вибби повесилась на трубе в душевой. Когда спохватились, было уже поздно.

Тернбулл не поднимала взгляда. Казалось, она не желает смотреть Босху в глаза, рассказывая эту жуткую историю.

История и впрямь была жуткой. У Босха на душе кошки скребли, но он должен был продолжить разговор. Должен был найти сына Вибианы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.